

КЕРРИГАН БЕРН

Опасное увлечение

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Керриган Берн
Опасное увлечение

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Берн К.

Опасное увлечение / К. Берн — «АСТ», 2016 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-104008-6

Красавица Милли Ли Кер – восходящая звезда европейской театральной сцены – с первого взгляда заметила среди зрителей эффектного незнакомца, не отрывавшего от нее глаз, и играла в тот вечер лишь для него одного. Бедная молодая женщина и представить не могла, что человек, так поразивший ее воображение, – высокооплачиваемый наемный убийца Кристофер Арджент, получивший от таинственного нанимателя заказ на ее смерть. Однако выросший среди воров и убийц Кристофер вдруг понял, что не может поднять руку на доверчивую Милли, пробудившую в нем давно забытые чувства. Более того, из жестокого охотника он готов обернуться бесстрашным защитником прекрасной актрисы...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-104008-6

© Берн К., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава первая	13
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Глава пятая	34
Глава шестая	39
Глава седьмая	45
Глава восьмая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Керриган Берн

Опасное увлечение

Пролог

Ньюгейтская тюрьма, Лондон, 1855 год

Это была настоящая пытка.

Мышцы Кристофера Арджента непроизвольно сводило. Мешаясь с морозящим дождем, капли пота, стекая, саднили тело, как впившийся гнус. Все на свете готов он был отдать за то, чтобы их вычесать. Зубы сжимались так, что заныла челюсть, но Кристофер, опасаясь последствий, старался казаться расслабленным.

Косясь на своего шифу¹, он в точности повторял его жесты, отчаянно силясь не отставать. Или, вернее, не опережать замедленного темпа плавных движений, преподаваемых ему мастером Ву Пином с необычайной отчетливостью.

– Знаешь, мой мальчик, почему мы занимаемся «Сиу Лим Тао»² под дождем? – спросил мастер на своем ломаном английском, не нарушая ни ритма, ни четкости движений. С начала сегодняшней тренировки он впервые обратился к Кристоферу.

Кристоферу непросто было говорить и одновременно правильно выполнять упражнения, такой сосредоточенности требовал их причудливый рисунок. Но он сделал героическое усилие.

– Я наказан, – осмелился предположить он, – за то, что побил Джона и Гарри...

– И?

Надеясь сбросить бремя стыда, Кристофер глубоко вздохнул, но замер, и ему пришлось взять себя в руки и сосредоточиться, чтобы снова следовать ритму своего шифу.

– И Хью, – прошептал он.

Мастер Пин промолчал на вдохе, снова приводя к груди выброшенное вперед ребро ладони для защиты.

– Мальчик, я – твой шифу. Как это слово будет на твоём языке?

Кристофер знал.

– Учитель.

Ву Пин коротко кивнул в знак одобрения.

– Не мне тебя наказывать. Я учу...

Казалось, молчание затянулось на целую вечность, пока они выполняли требующие точности и соблюдения чистоты линий физические упражнения. Занимался Кристофер уже почти два года. Теперь, в одиннадцать лет, он почти дорос до взявшего его под крыло учителя.

– Сегодня, мой мальчик, я научу тебя быть как вода.

Мастер Пин всегда называл его «мальчик».

Глядя на серый влажный булыжник внутреннего двора Ньюгейтской тюрьмы, Кристофер слушал внимательно. О воде старик ему уже рассказывал, но тогда он, честно говоря, пропустил сказанное мимо ушей. Сейчас не прислушаться было просто невозможно – насквозь промокшему с ног до головы в упомянутой субстанции мальчику, дрожащему, страдающему и истощенному, наставление врезалось в память невольно.

¹ По-китайски буквально означает «учитель-наставник», передающий ученику секреты боевого искусства. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Название комплекса базовых движений рук в стиле Вин-Чунь Кунг-Фу, буквально переводится как «форма маленькой идеи».

– Вода податлива и текуча, – начал Пин, – мягка и принимает форму сосуда, всегда находя путь наименьшего сопротивления. Поддерживает жизнь. Ее легко перенаправить в другое русло на благое дело. Понимаешь?

– Да, шифу.

На самом деле, не совсем, но знал, что мастер Пин сумеет объяснить.

– Но в тоже время вода смертельно опасна, – продолжил мастер Пин. – Ее сила крушит даже камень. Она затопляет. Топит. Слепо сметает все на своем пути. Безжалостно. *Беспощадно.*

Старик остановился и повернулся к Кристоферу, с облегчением опустившему дрожавшие руки. Он стоял и смотрел на маленького китайца, вспомнив, как однажды ему пришлось в голову, что мастер Пин напоминает сосиску, круглую, согнутую и обтянутую жесткой кожей. Но вместе с тем этот маленький, вежливый чужестранец был самым опасным, смертоносным узником Ньюгейтской тюрьмы.

– Каковы пять возможных решений конфликта? – спросил Пин.

Кристофер порылся в памяти.

– Уклонение, приспособление, сотрудничество, компромисс и сила.

Пин еще пять раз коротко кивнул.

– Заметь, кулаки и сила годятся только в одном из пяти случаев. Знаешь почему?

Кристофер опустил взгляд на грязные камни двора, следя за темным ручьем нечистот, стекавшим в канализацию.

– Потому что я не должен драться, – пробормотал он.

– *Неверно*, – отрезал Пин, но рукой нежно приподнял лицо Кристофера за подбородок, чтобы посмотреть ему в глаза. – Потому что кунг-фу, которому я учу, – не для драки. Оно для убийства. И если тебе, защищая себя или другого, не надо убивать, ты не должен его применять.

Челюсти Кристофера сжались не от холода и напряжения, это вскипел в груди знакомый жар. Он не мог сдержать блеснувший в его глазах дерзкий вызов.

– Вы не слышали тех гадостей, которые они говорили о моей матери.

– Они говорили правду? – спросил Пин.

– Нет.

– Тогда почему это тебя задевает? – пожал плечами шифу.

Задевало по многим причинам, но сформулировать их Кристофер не мог, а потому промолчал и залился краской.

Взгляд черных глаз Пина смягчился, а в их уголках появились морщинки, словно он вот-вот улыбнется.

– Ты уже очень любишь воду, но твои эмоции слишком глубоки. Слишком сильны. Как в океане. Ты должен научиться обуздывать такие чувства, как гнев, ненависть, страх... – и невиданным дотоле дружеским жестом Пин положил на плечо Кристофера руку. – *Любовь.*

– Что? – выдохнул Кристофер.

– Перенаправить их в другое русло, как крестьянин реку для орошения полей. Превратить их в терпение, логику, безжалостность и силу. Только тогда из твоих рук сокрушающей силой бурного паводка потечет смерть.

Учитель Пин отвернулся от него, принял стойку, твердо упершись ногами в камни мостовой, и раскрытой ладонью ударил в стену Ньюгейтской тюрьмы. От удара раскрошился кирпич, а по стене пошли трещины.

Кристофер раззявил рот, и дождь полился в него.

– Как вы это сделали?

Пин подмигнул.

– Я покажу тебе завтра. Если ты бьешь не в цель, а сквозь нее, то сила передается дальше и цель рассыпается.

– Вы можете показать мне сейчас? – с надеждой спросил Кристофер.

Пин покачал головой.

– Твоя мать захочет, чтобы ты вернулся в камеру. Скоро ужин.

– Как вы...

Часы пробили поздний час, и Кристофер резко повернул голову к сторожевой башне. Казалось, даже в такие бессолнечные дни загадочный старик всегда знал, сколько времени. Обернувшись к мастеру Пину, Кристофер увидел, что стоит во дворе один.

Дрожа больше от возбуждения, чем от холода, Кристофер сквозь дождь пробрался под ржавой решеткой в коридор, прозванный ньюгейтскими заключенными Тропой Мертвеца. И прежде чем постучаться в железную дверь между мужским и женским отделением, он, заглянув в ходы тюремных катакомб, поприветствовал нескольких знакомых.

– А это кто тут еще? – прогремел из-за прутьев решетки над головой голос с сильным шотландским акцентом, и перед его глазами появилось круглое лицо юного Юэна Мактавиша. – Ну, малыш, тебе просто повезло, что ты вернулся до смены караула. Обнаружь тебя Тредуэлл по ту сторону двери, ты куковал бы всю чертову ночь во дворе.

Кристофер в этих стенах родился. Об ужасах Ньюгейта после наступления темноты он знал куда лучше Мактавиша. Его колыбельной было лязганье цепей, крики и стоны больных и шарканье ног осужденных по длинному зарешеченному коридору, откуда уже не возвращались. Иногда его мать плакала о тех, кто шел на виселицу, но не Кристофер. Смерть заключенного часто означала новую обувь или пояс.

Проржавевшая железная дверь пронзительно проскрипела по каменному полу, когда Мактавиш отворил ее настолько, чтобы этот худышка смог проскользнуть, и тотчас снова закрыл, набросил засов.

– Мама всегда посылает меня погулять в день доставки.

Кристофер прыгал с одной босой ноги на другую, пытаясь согреться. Мактавиш ему нравился, и когда ему нечего было делать, он ходил за толстым темноволосым охранником.

Ярко-голубые глаза Мактавиша были в тон его нарядному темно-синему мундиру. И когда он кивнул, в них читалось сочувствие.

– Да, парень. Я знаю.

– Охранники, когда привозят дрова для камина или консервы, не слишком рады меня видеть. Да и мама говорит, что я мешаю.

Мактавиш оглядел сырой зал с железными решетками.

– Сейчас все кончено, – пробормотал он, как бы отвечая не Кристоферу, а своим мыслям. – Почему бы тебе не вернуться к матери? К ужину?

С нетерпением предвкушая наслаждение погреться у камина, Кристофер, прижимаясь к стене, прошел один зал и оказался в следующем, когда мимо прошествовали два охранника, один из которых застегивал ремень. Здесь, в Ньюгейте, было немаловажно знать, кого из охранников заключенному лучше избегать.

Насчет Тредуэлла Мактавиш был прав. Большой золотушный идиот столько раз за эти годы заковывал его в наручники, толкал и лупил так часто, что Кристофер сбился со счета.

– Суку следует научить благодарности, – пробормотал Тредуэлл своему спутнику, когда они проходили мимо. – Мне надо дать с ней поиграть настоящим подонкам. Тогда она будет умолять меня о пощаде.

– Мы могли бы кинуть веснушчатого ублюдка этим скотам, заставить его смотреть, как они рвут друг друга, – предложил другой.

Прячущийся в тени Кристофер закрыл щеки руками и провел по ним ладонями, словно пытаясь стереть унижительные веснушки.

– Сейчас мы ведем записи об этих юных кандальниках, – пробормотал Тредуэлл, употребляя прозвище, данное забытым беспризорникам, родившимся под стражей в тюремной

системе. – Нам придется давать объяснения, почему он пропал... Кроме того, бесит меня не этот ублюдок, а его проклятая шлюха-мать.

От шока руки Кристофера оторвались от лица и упали на грудь. Он постоял в луже воды, натекшей с промокшей и облепившей тело одежды, свернул за угол зала и побежал в конец женского блока, который всю свою жизнь называл домом.

За решеткой, лишь отдаленно напомнившей окно, блестела жаровня, а Кристина Арджент дрожащими руками подбрасывала в огонь большое полено.

Несмотря на жуткий холод зимой и невыносимую жару летом, Кристофер и его мать считали везением, что единственное отверстие, дававшее приток воздуха в их крошечную камеру, не больше иллюминатора. Там, где даже в нежный весенний день разило гнилью, легкий ветерок был дороже золота.

– Мама? – на цыпочках войдя в открытую дверь, он опустился на колени рядом с ней, и его онемевшие конечности мгновенно почувствовали согревающее тепло пламени.

Утром она вымыла и заплела длинные кудрявые каштановые волосы, а сейчас они висели растрепанными локонами, скрывая от его взгляда опущенное лицо.

– О, голубок, это ты. – Радость в ее голосе казалась тусклой, она спрятала руки в копне волос и, резко их опустив, протерла глаза. Она попыталась встать, но прежде чем он успел посмотреть на нее, отвернулась и уставилась на самодельный календарь, вбитый камнем на стене. – Я думала, ты с мистером Пином.

Стоя к нему спиной, она задрала потрепанный передник и вытерла им лицо.

– Он... мастер Пин, – тихо сказал Кристофер, глядя на жалкое пламя. На этот раз дров было не так много. Их едва хватит на неделю, а следующий привоз только через месяц.

– О да, – громко сказала она, скрывая всхлип. – Конечно, я знаю. – Истертым куском сланца она сделала пометку, означавшую, что миновал еще один месяц в Ньюгейтской тюрьме. Ее движения были резкими, почти болезненными. Знак, оставленный ею на стене на удивление неверной рукой, был глубже и шире других.

– Ты... – она прочистила горло, – ты хорошо провел время с мастером Пином?

– Да, – ответил он после осторожной паузы. – Мама, посмотри на меня.

Ее рука, сжимавшая сланец, упала, но Кристина даже не пошевелилась, чтобы вернуться к нему, натянув на плечи потертую серую шаль.

– Голубок, осталось сорок восемь месяцев, ты можешь в это поверить? – Его встревожила наигранная бравада в ее обычно ровном голосе. – Еще четыре года, и мы с тобой будем свободны. Свободны делать то, что нам нравится. Я буду работать швеей и сплету красивые кружева для прекрасных дам. Знаешь, я славилась качеством своих кружев.

– Я знаю, мам, – прошептал очень взволнованный Кристофер. Он слышал эти слова и раньше, но для него они мало что значили, поскольку он никогда в жизни не видел кружев, и ее рассказы казались ему бессмысленными. – Дай мне посмотреть на твое лицо.

– А ты поступишь учеником к ремесленнику. Может быть, мистер Докери все еще работает на верфях. У нас будут свои комнаты с дровяной плитой и камином с каменным очагом. Нам никогда не будет холодно.

Встав на ноги, Кристофер отошел от огня и приблизился к матери. Он хотел обнять ее за талию, но не решился, потому что был весь пропитан дождем и ей стало бы холодно. Вместо этого он проскользнул между ней и стеной и поднял руку, чтобы убрать с ее лица волосы.

Все было не так плохо, как он ожидал. Нижняя губа рассечена, но не кровоточила.

Кристофер на секунду зажмурился. Ему было одиннадцать лет – достаточно взрослый, чтобы понимать, что эти раны причиняли ей боль. Это сотворили с ней охранники, пока его не было. Она им отдалась. И все только для того, чтобы он мог позволить себе крохи, которые они соизволили бросить ему.

Она была бледна, ее глаза – красны от слез, но она оставалась его матерью. Его высокой, красивой, отважной матерью. Женщиной, давшей ему все: от крепких костей, хороших зубов и волос цвета ржавчины старинных железных петель до последнего куса еды и улыбки, бывшей единственным украшением их серого мира.

В нем нарастала знакомая ненависть, и он оскалился.

– Мама, ты больше не должна их пускать, – прорычал он, – мне не нужен огонь.

Светлые глаза, такие же голубые, как и его собственные, быстро заморгали, когда она убрала мокрые волосы с его глаз.

– Конечно же, нужен, голубок, – напевно произнесла она. – Только посмотри на себя – мокрая ирландская крыса, которую едва не утопили. – Она схватила его сильными, ловкими руками и стала стягивать с его груди насквозь промокшую рубашку. – Подойди сюда и согрейся, а то недолго простудиться и помереть. Я схожу за банками с ужином.

Он заметил, что она слегка прихрамывала, и от злости и беспомощности у него застучали зубы. Но мать была упряма, а когда она в таком настроении, разговаривать с ней бесполезно.

Они молча ели мясо, глядя на огонь. Кристина была погружена в себя и рассеянна, Кристофер кипел от возмущения и шумно дышал.

Бу Пин не знал, о чем говорил. Не понимал. Как можно совладать с такой любовью? Как не ненавидеть людей, которые использовали его мать? Или не страшиться того, что они еще могут сотворить?

Эмоции унять невозможно.

Он скажет старому дураку при следующей встрече.

– Кристофер, – прошептала его мать, оторвав взгляд от раскаленного угольного пласта. Она редко называла его иначе, чем «голубком», любимым своим ласковым именем. – Кристофер, я хочу, чтобы ты знал: со мной все в порядке. И что все, что я делаю, я делаю потому, что этого заслуживаю, и потому, что ты заслуживаешь лучшего.

– Мам, ты, черт возьми, не заслуживаешь... Они не должны... только не ради меня. – Он не мог произнести этих слов, но его щеки горели от стыда.

– Следи за своим языком, – резко сказала она, но тут же смягчилась. – Сынок, ты не знаешь мира за пределами этих стен. Того, насколько он удивителен и прекрасен, красив и ужасен. Ты не знаешь, какова жизнь на самом деле. Никогда не видел настоящего заката и не ел свежей еды. – Ее глаза снова наполнились слезами. – И все из-за меня. Потому что я преступница.

– Это ерунда, – возразил он, но она перебила его.

– Голубок, ты когда-нибудь увидишь. Увидишь все, чего был лишен, и, может быть, возненавидишь меня за это.

– Я никогда тебя не возненавижу, – поклялся он, подбегая к ней, чтобы устроиться у нее под боком, а она накинула свою шаль на его обнаженные плечи.

– Надеюсь, сынок, – прижалась она щекой к его голове. – Но никто не знает, на что способен, пока...

– Пока что?

Тяжело вздохнув, она встала и потрогала его рубашку, висевшую на ржавом гвозде. В этой сырости жаром их скудного огня было невозможно ничего высушить. И хотя она протянула ему слегка подсохшую рубашку, когда он надел ее, кожу обжег холод.

– Голубок, пора спать.

Послышался громкий лязг закрываемых железных решеток, тяжелые двери захлопнулись, и в запертой на ночь тюрьме эхом разнеслась переключка охранников и крики заключенных. Подошла приземистая женщина с кислым лицом, пересчитала всех по головам и закрыла камеру, а затем Кристофер и его мать разошлись по своим матрасам.

Кристофер с тоской вспоминал, как они с жадностью приникали друг к другу. Она обвивала его своим телом и пела ему песни в надежде заглушить ужасные звуки ночи.

Теперь уже нет. С тех пор, как он начал засыпать и просыпаться, ощущая странное жгучее удовольствие, сжимавшее чресла и изливавшееся в брюки.

Тогда она, сдерживая задумчивую улыбку, стала спать отдельно, и, зардевшись, попыталась объяснить, что он превратился в мужчину.

Кристофер мрачно подумал, что не хотел быть мужчиной. Нет, если это значит превратиться в беспощадное животное, навроде Тредуэлла или старого сморщенного дурака, такого, как мастер Пин.

Он просто хотел, чтобы его обнимали.

И тут тихий дождик обернулся бурей. Гром встряхнул старые камни Ньюгейта, и молнии сквозь их крошечное окошко отбрасывали грозные тени.

– Мы споем сегодня? – спросила его мать, и Кристофер улыбнулся в темноте. Он втайне надеялся, что она спросит. Буря его разозлила, а шумы Ньюгейта показались особенно несносными.

– Что споем? – спросил он.

– Как насчет моей любимой ирландской мелодии?

Они запели.

Украдкой придите ко мне,
Сладкие грезы о смехе,
Свободе, покое весны.
Играй же улыбка на милых устах!
Спи! Отгоню я и ужас, и страх...

Страшный скрежет по каменному полу раздался у самого уха Кристофера, вырвав его из теплого сна и сбросив на холодный пол. Он сел, моргая в темноте. На улице все еще бушевала буря, и вспышка молнии осветила его спящую мать. Над головой раздался гром. На мгновение он решил, что его разбудил гром, но скрежет по камню был так на него не похож, что он подумал только об одном – о тяжелой железной двери между мужским и женским отделением тюрьмы.

В зале раздались низкие голоса. Мужские голоса. И шаги. Но не охранников. Тех он знал. Они ступали уверенно, громко стуча крепкими подошвами тяжелых ботинок.

Кристофер приложил ухо к полу. Шаги тихие. Ноги были голыми.

Когда новая вспышка молнии отбросила на стену угрожающие тени, его охватил страх. Но эти шаги не были иллюзией.

Они принадлежали мужчинам, вторгшимся в его камеру.

Это были не охранники, насколько он мог судить по тому краткому мигу, пока их видел. Даже для заключенных они были грязными. Страшными. Ухмыляющимися. Рычащими.

Кристофера грубо схватили и подняли чьи-то руки, и он сражался, как дикарь. От страха он позабыл все наставления мастера Пина. Он не мог понять, где пол. Не мог сжать кулак. Он просто был не в силах, как ни старался, справиться с мужчиной в три раза больше него.

– Кристофер! – крикнула мать в темноте. – Кристофер, беги!

Беспримерный парализующий ужас держал его в таком же плену, как гигант, навалившийся коленом на спину и вжимающий щеку в пол.

Тредуэлл осуществил свою вчерашнюю угрозу.

– Пожалуйста, не троньте сына! – просила его мать.

– Мы здесь не ради мальчика, – засмеялся один из них. – Но только пикни, и мы ему кишки выпустим. Ну, кто из нас будет первым?

Кристофер сражался, пока похититель не прижал его щекой почти к самым углям. Оранжевое сияние превратило все в пляску корчащихся теней. Бушующая гроза не заглушала стоны, стоны... Мать постанывала.

Он стал бояться молнии. Бояться увидеть в ее вспышке развратное насилие, творимое ими над единственным во всей вселенной дорогим ему существом. Слезы текли по грязному камню под ним. Скучный ужин подступал к горлу, грозя задушить его. Ему хотелось отвести взгляд. Хотелось исчезнуть. Хотелось умереть. Убить.

– Не смотри, голубок, – выдохнула мать.

Но он заставил себя смотреть. Наблюдать за тем, как они ее удерживали. Запомнить и зафиксировать в памяти мелькавшую в каждой новой вспышке света мутную хрюкающую усмешку на лице каждого подонка. Всех четверых.

В нем вскипела ярость, вызванная жаром, страхом и беспомощностью. В душе разразилась та же гроза, что бушевала за окном.

Когда другой пришел на смену державшему его, а тот был готов воспользоваться своей очередью, Кристофер бросился, схватил скотину за горло и бил кулаком до тех пор, пока не свалил его.

Он смутно слышал слабый, хриплый крик матери, прежде чем боль взорвалась у него в голове и он, оглушенный, упал на пол.

Мир завертелся вокруг него с такой скоростью, что ему невольно захотелось вытянуть руку и за что-то уцепиться, чтобы его остановить. Тени вздымались и опадали, раздваивались, а затем растворялись в тумане. Раздался гром, или это был стук двери?

А потом гроыхавшая над крышей гроза осталась единственным звуком, доносившимся до его избитой головы. Мама. Где мать? Жива ли она...

– Кристофер!

Титаническим усилием он повернул голову и увидел, как ее тень темнела с другой стороны быстро догорающих углей жаровни. Она ползла к нему на локтях, но, похоже, у нее не хватало сил обогнуть огненную яму.

От страха все кружилось у него перед глазами, и он собрал последние силы, чтобы подняться с пола.

– Мама, – прохрипел он, шатаясь, идя туда, где лежала она.

– Кристофер. – Ее голос чуть слышнее шепота усилил его ужас. – Тебе больно, сынок?

– Нет. Я в порядке. Мама, не двигайся. Я позову охранников. – Он встал над ней на колени, боясь к ней прикоснуться. Боясь куда-то положить руки.

– Там нож, Голубок, они... – она слегка задыхалась, как будто пытаясь отдышаться, – они тебя порезали?

Ее руки, обычно такие сильные, такие уверенные, робко ощупали его лицо, плечи и скользнули вниз по туловищу.

– Нож? – Он покачал головой, все еще пытаясь прийти в себя. – Они не порезали меня...

Под коленями он ощутил что-то теплое и липкое и внезапно подумал, не ранен ли он. Но боли не было. Никаких порезов.

Новый прилив ужаса охватил его.

– Голубок, подбрось еще полено в огонь, так холодно.

Горячая жидкость поползла по его ноге, когда он поспешно достал два небольших полена и положил на угли. Прежде чем бревна загорелись, полыхнула молния, осветив самое мрачное зрелище всей этой наполненной ужасом ночи.

Кровь. Она растекалась от распростертого тела матери, подползая к каждой стене их крошечной камеры. Он закричал, призывая на помощь, вцепившись в решетку и изо всех сил прижимаясь лицом к двери. Звал кого угодно, все равно кого. Из темноты ответили женские голоса. Кто-то взволновано, кто-то рассержено.

Но никто не пришел.

Судорожно хватая ртом воздух, он обернулся к своей любимой матери, теперь освещенной золотым сиянием их жалкого огня.

– Мама. – Он опустился рядом с ней на колени там, где еще не было крови, и в свете пламени с ужасом наблюдал, как быстро подползал к нему край красной лужи. – Что делать? – простонал он, и у него все расплылось перед глазами от жарких слез. – Скажи мне, что делать.

– О, голубок, ничего... не поделаешь.

Из ее глаз полились слезы, но дотянуться до него она уже не могла. Она казалась испуганной, что усиливало его решимость. Он приник головой к ее груди, прижавшись к ней, словно если вцепится достаточно крепко, сможет ее удержать.

– Не бросай меня, – умолял он, не стесняясь, совсем как маленький. – Прости, что стал драться. Прости. Я был зол. Я не знал о ноже. Не уходи. Прости!

– Спой мне колыбельную, голубок, – прошептала она. – Я больше тебя не вижу.

От этих слов его горло сжало ужасом и болью.

Мать улыбнулась, хотя кровь сочилась изо рта и стекала на волосы. Ее кожа была очень холодной. Восковой. Но лужа, в которой он сидел, была теплой. Обволакивавшей их обоих.

Играй же, улыбка, на милых устах!

Спи! Отгоню я и ужас, и страх...

Его голос пресекся от рыдания. Он не мог продолжать петь. Но ему и не пришлось.

Она закашлялась. Ее грудь взметнулась. Затем опустилась, горячее дыхание ударило о кожу, как слова, которые она больше не могла сказать. Оно вырывалось и вырывалось, пока она не затихла.

Кристофер оглох. Кто-то кричал. Громкие, длинные, рвущие ухо раскаты отчаяния. Словно сама душа вырывалась из горла. Крик настолько громкий, что способен разбудить богов. настолько громкий, чтобы прорваться сквозь какофонию кошмарного места, которое он называл домом. Чтобы прорваться сквозь бурю, и гром, и молчание его мертвой матери.

Кристофер хотел, чтобы крик прекратился. Но он не прекращался. Долго, очень долго.

В конечном счете огонь погас. Камни охладили кровь под ним и превратили ее в лед. Останки матери тоже остывали. Когда тело остыло и тяжелым камнем ооченело в его молодых, дрожащих руках, все тепло утекло и от него. Он с легким любопытством наблюдал, как оно уходит.

Он почувствовал себя... как вода. Сидя в луже воды. Это была только вода. Окружающая его. Покрывающая его. Застывшая на его коже. Заполнившая трещины в камне. Пространство его вместилища.

Вода. Теперь он понял. Выучил урок, который пытался преподать ему мастер Пин. Тут, в грозном мраке, научился быть как вода. Терпеливым. Безжалостным.

Положив свою тяжелую мать на скользкий пол, он встал, чувствуя, что у него нет костей. Как будто он не живет в своем теле. Но вне его. Вокруг него. Как вода.

Вся вода на камнях.

Он стоял, уставившись прямо на дверь, неподвижно, как камень, и начал повторять фигуры, которые он вызубрил вчера под дождем. Когда дверь откроется, он пойдет к мастеру Пину. Он скажет ему, что теперь понял. Что он стал как вода.

Готов дать смерти течь с его рук.

Глава первая

Лондон, 1877 год, двадцать два года спустя

– Детей не убиваю, – сообщил Кристофер Арджент адвокату, казалось, пытавшемуся его для этого нанять, – и не обрекаю на смерть.

За столом, беспокойно ерзая и вперившись взглядом в закрытую дверь, будто с тревогой ожидая, когда же во весь голос придется звать на помощь, сидел сэр Джеральд Дэшфорт, эсквайр. Дорогое, пышное, утонченное, почти женственное, выдержанное в самом отталкивающем оттенке красно-коричневого убранство кабинета в Вестминстере характеризовало адвоката как нельзя лучше. Тот пристально посмотрел на Арджента из-под очков в тонкой металлической оправе, державшихся на несоразмерно больших ушах.

Арджент обобщил наблюдения нескольких минут знакомства с Дэшфортом. Высокооплачиваемый, но тратит еще больше. Дела ведет с беспардонной наглостью человека, живущего не по средствам. Требовательный, тщеславный, умный и жадный до аморальности. Карьеру сделал, втихую отмазывая в суде клиентов, самых одиозных преступников, ничем при этом не гнушаясь. Наймом самого дорогого убийцы империи в том числе.

– Я неукоснительно придерживаюсь трех железных правил, о которых обязательно сообщаю клиентам.

И для наглядности Арджент принялся загибать пальцы, начав с того, которым нажимают на спусковой крючок.

– Во-первых, я не запугиваю, не калечу, не насилую и не пытаю, а *казню*. Во-вторых, не оставляю рукописных или других сообщений, подсказок или издевок в адрес полиции или кого бы то ни было еще. И в-третьих, не убиваю детей.

Дэшфорт на мгновение забыл о страхе, и его тонкие сухие губы сложились во властную усмешку.

– Наемный убийца с кодексом чести? Просто смешно.

– Не смешнее закоренелого холостяка-содомита, платящего мальчишкам-иностранцам.

Полагался Арджент не только на наблюдения.

– Как вы смеете меня обвинять...

Арджент встал, и у адвоката перехватило дыхание – он поперхнулся слюной. И Арджент знал, что адвокатские страхи внезапно воскресил не только необычный рост. Все дело было в бросающихся в глаза несоответствиях во внешности Арджента. Дорогой костюм безупречно облегал не по-светски широкий торс. Не добавлял аристократизма и крючковатый от многочисленных переломов нос. Да и золотые с бриллиантами запонки никак не могли скрыть испещренные шрамами от многолетнего каторжного труда руки, тоже отнюдь не свидетельствовавшие о благородном происхождении.

– Скоро ночь, сэра Дэшфорт, – спокойно прокомментировал Арджент неловкий приступ кашля, – а работаю я по большей части в темноте.

И отвернувшись от брызгавшего слюной адвоката, сделал пять ровных шагов в сторону двери.

– Подождите! – прохрипел, кашляя, Дэшфорт, прижав дрожащую руку к сердцу, словно желая его остановить. – Подождите, – повторил он. – Клянусь, мой доверитель не хочет, чтобы пострадал ребенок... Избавиться надо только от его ужасной матери и документа.

Арджент в упор глянул на еще раз кашлянувшего в кулак и ослабившего галстук Дэшфорта.

– Продолжайте.

– Пока мальчик не докучает отцу, он никому не мешает.

Арджент моргнул. Для дворян не редкость пытаться избавиться от своих бастардов, ему бы поговорить с Дорианом Блэквеллом.

– А эта женщина, – осведомился он, – чем она так сильно прогневила вашего доверителя?

– Это важно?

– Не особо.

Арджент вернулся и осторожно, дабы не сокрушить явно не рассчитанный на рослого человека стул, вновь уселся на свое место.

– Важно, сколько мне заплатят за работу.

Наклонившись к столу, Дэшфорт размашисто окунул перо в чернильницу и стремительным росчерком вывел на клочке бумаги невообразимую сумму.

– Мой доверитель готов предложить такое вознаграждение.

Будь Кристофер Арджент хоть отчасти склонен к проявлениям чувств или эмоций, он поразился бы. Тем не менее, ему все же представилось нелишним изобразить пусть подобие человеческой реакции.

– Довольно большая сумма, – безучастно подтвердил он. – Ваш клиент хочет, чтобы я совершил убийство королевы?

Глаза Дэшфорта за стеклами очков полезли из орбит при одном лишь слове «убийство», не говоря уж об изменническом намеке на смерть британской монархини.

– Вы знаете Миллисент Ли Кер? – бросился он.

– Кто же ее не знает?

– Может, она и любимица Лондона, но на самом деле просто змея подколотная.

Продолжая глядеть на множество нулей на клочке бумаги и быстро что-то подсчитывая в уме, Арджент рассеянно перебил:

– Неужели?

– Милли Ли Кер не просто играет на сцене, – продолжил Дэшфорт. – Она воровка, проститутка и шантажистка, вынудившая моего доверителя затеять это дело.

Арджент вновь встал, смял бумагу и бросил ее в камин.

– Половину суммы вперед, остальное – по окончании работы.

Уже не ерзавший, а уверенно восседавший за столом, адвокат тоже встал и подошел к сейфу «Диболд» в углу комнаты. Несмотря на блеск золотого циферблата и то, что несгораемый шкаф явно был новехонький и дорогой, в этой вычурно изукрашенной комнате неуклюжая его громада выглядела неуместно, как и сам Арджент.

Из сейфа Дэшфорт извлек кожаный портфель и, повернувшись, толкнул его через стол Ардженту.

– Здесь больше половины. Через пару дней у Милли Ли Кер премьера в роли Дездемоны в поставленном специально для нее спектакле «Отелло» в Ковент-Гарден.

– Знаю.

Арджент заглянул в портфель, извлек пачки банкнот и пересчитал их.

– Она постоянно окружена людьми, – продолжил адвокат. – Но мы знаем, что у нее квартира недалеко от театра, на Боу-стрит. Там она и живет с сыном.

Арджент защелкнул портфель, и Дэшфорт вздрогнул.

– Разведкой я занимаюсь сам. Я свяжусь с вами в течение трех дней по исполнению заказа.

– Отлично.

Дэшфорт протянул на прощание руку, но Арджент, снимая с вешалки куртку, лишь смеялся тому взглядом.

– Не дайте ей обвести себя вокруг пальца, – проговорил адвокат, – ведь она недаром лучшая актриса Лондона. На пути этой подзаборной девки к вершине длинная вереница трупов. И поверьте, мгновенная смерть от вашей руки – самое меньшее, что заслужила эта женщина. Может, она восхитительно красива, но бесчувственна и безжалостна.

– Если так, у нас с ней много общего, – заметил Кристофер. – Разве что вереница трупов за моей спиной будет длинней и кровавей.

Сквозь свет газовых фонарей рампы Милли Ли Кер вновь пыталась отыскать в зале *его*. И это ей легко удалось. Даже в темноте от него исходила безотчетная и мощная сила магнетических токов.

В театре Ковент-Гарден был аншлаг, билеты раскуплены на все две тысячи двести двадцать шесть мест. Но едва заметив брутального джентльмена в безукоризненном костюме, Милли поняла, что он и есть тот единственный зритель, для которого она сегодня будет играть. Ей пришло на ум, что он больше похож не на театрала, а на персонажа одной из кровавых исторических хроник Барда. В его присутствии она ощущала волнение, и возбуждение, и даже нервную дрожь.

Мальчишка-осветитель направлял луч прожектора только на Яго и Родриго, вышедших на сцену после ее вымышленной гибели. И лишь слегка отведя малиновый бархат кулисы, она могла, не привлекая внимания, видеть минимум по три ложи всех ярусов.

– Волнуешься? – Джейн Гренн, игравшая Эмилию, дружески положила подбородок на плечо Милли и глянула на публику. Ее золотые локоны слегка щекотали обнаженную кожу Милли.

– Нет.

Взяв подругу под руку, Милли не отрывала взгляда от манившего ее силуэта, почти не меняющегося за все то время, что она за ним наблюдала.

– В самом деле? Даже в день дебюта в Ковент-Гарден?

– Я ни жива ни мертва, – шепотом призналась она. – Это величайший вечер в моей жизни. А тебе не кажется, что публика сегодня какая-то сдержанная? Вдруг это провал?

Джейн ободряюще обняла Милли за талию.

– Они все, затаив дыхание, только и ждут выхода великой Милли Ли Кер.

– Не надо, – смущенно выдохнула Милли в ответ на комплимент, – они пришли посмотреть пьесу Шекспира.

Джейн неженственно порскнула ей в ухо:

– Поверь, «Отелло» никогда не сделает в Ковент-Гарден полного сбора. Они здесь ради Дездемоны.

– Или ради Ринда в роли Отелло.

И Милли указала на могучего кофейнокожего актера, чей мощный бас заставлял трепетать всех леди в зале независимо от их воли и рассудка. Золотые огни играли на его высоких скулах и высвечивали сияющую белозубость улыбки. Он был экзотичен, сексуален и властен, как истинный венецианский мавр, и ее тело на сцене рядом с ним реагировало на озорные искорки в его темных глазах.

– Мы все умираем от любопытства, правду ли говорят, что у него как у жеребца?

Милли прикрыла усмешку ладонью и отступила от занавеса, чтобы ее жест не заметила публика.

– Мне-то почему знать! – театральным шепотом возмутилась она, игривыми шлепками отгоняя Джейн.

– Не скромничай, – хихикнула Джейн. – Все знают, что у вас роман. Потому и не принимаешь авансы лорда Филиппа Истона.

– Попридержи язычок, – пожурила ее Милли. – Авансы лорда Истона я не принимаю по тысяче абсолютно личных причин. А у Ринда очаровательная жена – Минг.

Джейн сморщила нос.

– Ну, жена еще никому ни с кем переспать не мешала. Да и слыхала к тому же, у них с очаровательной Минг нестыковка – ну ты понимаешь, – там, – и Джейн стремительным жестом указала себе между ног. – Поперек типа.

– Злобные сплетни, – возразила Милли. – Вранье, Джейн.

– Откуда тебе знать? Видела что ли?

– Нет, но они же люди. А мы все скроены по одному образцу. И с тобой я это обсуждать не собираюсь.

Милли вновь бочком подошла к краю кулисы, давая дорогу входившим и выходившим со сцены актерам, изображавшим венецианцев.

– И для кого ты играешь сегодня? – спросила Джейн, положив Милли руку на плечо и глядя на тени в зале Ковент-Гарден.

Она имела в виду привычку Милли выбирать в публике кого-то одного и доносить свою игру, обращаясь к этому человеку. Конечно, выступала она перед всей публикой, но осознание ею связи с этим избранным зрителем неким образом помогало ей рельефнее выразить свои эмоции, чувства и страсти. И даже забывшись, ей стоило лишь найти свой маяк, и он мгновенно возвращал ее назад. Большую часть своего успеха она приписывала именно этому обычаю и перед началом каждого выступления неизменно выбирала себе этот ритуальный единственный объект воздействия.

– Видишь того мужчину, что сидит один во второй ложе второго яруса? – Она указала на одинокую фигуру.

– Боже, да просто гигантская тень, – удивилась Джейн. – В публике такого трудно не заметить.

– Точно, и еще я разглядела со сцены, пока в зале свет, какой невероятной синевы у него глаза.

– Вполне может составить Ринду конкуренцию? – Джейн ткнула ее в ребра острым локтем.

Милли поморщилась.

– Конечно, нет, мы ведь только что выяснили, что у меня с Риндом ничего нет.

Джейн пригладила прическу и озорно подмигнула Милли.

– Конечно, нет. Да любой, кто видел вас на сцене, не усомнится, что ты кувыркаешься с ним в постели, счастливица.

И вышла на сцену для своей реплики, лишив Милли реплики ответной.

– Это называется актерством, – пробормотала Милли. Разумеется, Ринд потрясающе красив и всегда приветлив, но самовлюблен и напыщен. Никому невдомек, что Милли предпочитала джентльменов тихих. Не блещущих умом, но добрых. Снисходительных. Терпеливых. Великодушных.

Безопасных.

Она снова подумала о тени своего мужчины. Он снял шляпу, но все равно возвышался надо всеми. Сидел так невероятно недвижимо. Однако от мысли, что эти бледные и холодные, как зимнее небо, глаза смотрят на нее, на шее у нее поднялись волоски. А внутри, наполняя восхитительной истомой, шевельнулось что-то сладко-порочное.

Ничего о нем не зная, Милли почувствовала, что он отнюдь не скромнен и не безопасен. Что-то в его спокойной неподвижности ее смущало. Она невольно отступила под защиту бархатных кулис и собственных теней, подумав о своих синих атласных простынях и о том, как в самую темную ночь на их фоне хрустальными звездами будут сиять его глаза.

Резко выдохнув, она пришла в себя и уняла тайную дрожь внизу живота. Лучше даже и не мечтать. Всех, кроме одного, она пускала в свою жизнь не ближе чем на расстояние вытянутой руки. Муж или даже любовник абсолютно исключались.

Просто тайны ее слишком опасны.

Глава вторая

«Разведка». Так говорил себе Арджент. Потому сегодня в полночь он и торчит в этом насквозь пропитанном парами джина клубе. «Сапфировый зал» был всего лишь пестрым лабиринтом расходящихся от главного бального зала потаенных коморок и укромных будуаров, щедро уставленных предлагавшими уединение кушетками и диванами.

Какофония взвивавшихся к хрустальным люстрам выкриков веселящихся практически заглушала камерный оркестр. Сверкало все. В новом электрическом освещении «Сапфирового зала» блистали и переливались, словно кометы, цвета драгоценных камней модных платьев вальсирующих *демимонденок*, причудливые дамские прически, бокалы шампанского.

Кристофер чуть не вздрогнул, когда барабанную перепонку резанул визгливый женский вскрик. Никогда не понимал, зачем люди так истово предаются развлечениям, прикидываясь веселыми. словно бы веря, что, смеясь достаточно громко, обретут счастье там, где его нет. Как будто потоками шампанского и смеха им удастся заглушить звук своего пустого существования, и их бесполезная жизнь перестанет казаться такой бессмысленной.

«Какие дураки».

В такие моменты Кристофер начинал особенно ценить свой необычный рост, с высоты которого мог смотреть поверх голов толпы и выискивать в этом стаде свою добычу. А найти здесь *ее* труда не составит. Волосы Милли Ли Кер были необыкновенного оттенка эбенового дерева. А глаза ее, хотя и почти черные, светились такой жизнью, что напоминали ему ограниченное вулканическое стекло – обсидиан.

Эти глаза. Он наблюдал, как жизнь уходила из них, когда Отелло душил ее своими громадными черными ручищами. Сидя над ними в одиночестве на верхотуре своей ложи, Арджент, затаив дыхание, следил, как тускнел и угасал этот свет, пленяя весь Лондон, разразившийся бурными, громовыми аплодисментами.

И он подавался ей навстречу, вцепляясь в парапет ложи. Желая, чтобы она очнулась, он и вправду задавался вопросом: не стал ли только что свидетелем приведения другим прямо на глазах сотен зрителей в исполнение ее смертного приговора, того, исполнителем которого должен был стать он.

В жизни Арджент видел это так часто, что уже сбился со счета, а она такой поразительной точностью передала глухую ко всему безжизненность, что у него перехватило дыхание, пока занавес не взвился на последний поклон. И она вышла, и ее улыбка была ярче и лучезарнее хрустальной люстры Ковент-Гарден.

И он буквально повалился на спинку кресла.

А она повернулась к нему, сложила руки и с такой грацией поклонилась, и слезы заблестели в ее глазах. Живых. Не просто живых. Полных жизни. Лучащихся ею. Прижав руку к губам, она послала зрителям воздушный поцелуй. И он снова мог поклясться, что обернулась и посылала его она только ему одному.

Она была счастлива. Он достаточно изучил людей, чтобы верно читать эмоции. А когда она помахала ложам, *его* ложе, и улыбнулась ему своей сияющей, лучезарной улыбкой, он захотел ее отблагодарить.

И это не давало ему покоя. Тревожащая, вызывающая озноб и несвойственная ему слабость. Его кулаки сжимались и разжимались. Челюсти сводило. Сердце бешено колотилось в унисон с учатившимся дыханием. Грудь сдавило.

Сначала он посчитал это апоплексическим ударом. Теперь же он был убежден, что это совсем другое.

Он... начал чувствовать. И симптомы не исчезали, а с каждым днем усиливались.

Впервые за более чем двадцать лет он пал жертвой эмоциональной реакции. Отчего, как ему казалось, избавился навсегда.

Да и сейчас он искал ее в толпе со странным чувством... которое мог назвать только предвкушением. И не насилия, а всего лишь еще одного взгляда в ее темные и колдовские глаза.

Криво усмехнувшись и покачав головой, он отошел к дальней стене и принялся тихо ждать, надеясь, что странное чувство развеется. Она ни в коем случае не должна на него влиять. Что она за существо? По словам Дэшфорга, Милли Ли Кер – обманщица и шантажистка. Привлекательная, самовлюбленная особа танцует в обнимку со смертью. Квартира на Боу-стрит помечена крестиком. Больше ему ничего знать не требовалось.

Не так ли?

Так... но почему он вертелся тут в толпе обывателей, как змей в банке с мышами?

Ну да. Разведка. Хорошо бы ему об этом не забывать.

По толпе пронесся гул радости и удивления, и у входа раздались аплодисменты.

Арджента тотчас поразило, что фарфоровой белизной кожи Милли Ли Кер могла поспорить с трупом. А ее малиновое в белую полоску платье настолько подчеркивало ее бледность, что она напоминала графиню Батори, прославившуюся купанием в крови девственниц ради сохранения молодости кожи.

Ее улыбка была блестящей во всех смыслах слова, и Арджент невольно прижал руку к груди. Уже во второй раз. Он вновь почувствовал едва ощутимый толчок в грудной клетке. Такой же, как тогда, когда она улыбнулась ему со сцены. Чувственный трепет. Пробежавший под кожей ток теплого и приятного возбуждения.

И если сегодня она предстала графиней Батори, то он был Владом Цепешем, ожившим удивительным образом покойником, смертоносным олицетворением ненасытного кровопийцы. Но только вампира, жаждущего крови не ради загробного продления физической жизни, а для элементарного выживания.

Поскольку проливая кровь, он зарабатывал на жизнь.

Сияющая Милли Ли Кер отпустила свой щегольской эскорт, чтобы раскланяться перед восторженной публикой с верхней площадки лестницы, и, спускаясь, алыми губами послать множество воздушных поцелуев.

Она была ярчайшей из всех блиставших в «Сапфировом зале» драгоценностей. Кристоферу вспомнилось избитое клише, которое мужчины привычно повторяют своим спутницам – «женщина осветила комнату». Раньше эта фраза показалась бы ему просто формальным комплиментом.

Но сейчас... еще недавно неживой, душный от смрада распутной толпы зал внезапно словно бы осветился сиянием, исходящим от ее полупрозрачной кожи.

И было бы просто позором лишать мир такой красавицы. Такого таланта. И даже если ее улыбка – всего лишь иллюзия, а доброта – простое притворство, тем не менее без нее чаша мировых весов еще ниже опустится в мещанское болото оскудения человечества.

Однако его это не остановит. И если он исполнит свой долг, она не доживет до рассвета. Ему подумалось, что мог бы осуществить это прямо здесь. Завлечь ее в укромный уголок и сомкнуть руки на ее прекрасной шее, а потом, завернув в портьеру, уложить обмякшее тело на диван и исчезнуть до того, как поднимут тревогу.

Ему надо ее очаровать. Увлечь за собой в свое царство, во тьму. Все время находящаяся в центре внимания, там она станет уязвимой. Сделается беззащитной.

Он соврал бы себе, не признав, что мысль оказаться наедине с Милли Ли Кер в темноте возбуждала в нем желание, отличное от убийства.

Опасное желание. Опасное для него.

Хотя Милли постоянно окружали люди, она его тотчас нашла. И кивнула ему так резко, будто подслушала его мысли, звучавшие громче шума толпы.

Однако Арджент понял, что о его намерениях она ничего не подозревала, поскольку, едва она его заметила, ее глаза наполнились светом теплой полуночной неги.

Вырвавшись из толпы поклонников, Милли вновь, едва заиграл оркестр, закружилась в ее водовороте. И остановилась лишь тогда, когда встала перед Арджентом лицом к лицу, не обращая или не желая обращать внимание на то, что все взгляды устремлены на них двоих.

– Я вас нашла, – проговорила она, смущенно улыбаясь.

Арджент понятия не имел, о чем она вела речь. Возможно, она знала, зачем он здесь. Быть может, кто-то ее предупредил о заключенном на нее контракте. Быть может, она была такой же отважной и бесчувственной, как и он. Свободной от оков сентиментальности.

Однако это ничего не меняло.

– Это я, мисс Ли Кер, нашел вас.

«И это я вас погублю».

Милли не могла поверить своей удаче. Здесь тот единственный зритель, для которого она играла в вечер премьеры. Ей еще никогда не доводилось испытать счастье встретиться хотя бы с одним из них. И находиться в обществе именно этого мужчины было неожиданным удовольствием. Возможно, он каким-то образом ощутил ту странную связь, которую она почувствовала со сцены?

Что могло бы быть романтичнее?

– Я думала, это частная вечеринка, мистер... – и она выжидательно посмотрела на него, протягивая руку для знакомства.

– Мистер Драмл, – ответил он, склонившись над ее рукой, но не поцеловав ее. – Бентли Драмл.

Милли не смогла сдержать смеха.

– Вас рассмешило мое имя?

Ее рассмешило в нем все.

– Ничего подобного, – принялась оправдываться она. – Просто вы не похожи на Бентли.

– И какое же имя, по-вашему, мне подходит?

Милли посмотрела на него с интересом, однако ответить на его вопрос почему-то не смогла. Ни одно истинно английское имя ему не подходило. Он не напоминал тех стройных, элегантных, модных прожигателей жизни, с которыми она привыкла знакомиться на подобных вечеринках. Густыми волосами самого необычного темно-рыжего цвета, поразительными голубыми глазами, мощным и ширококостным сложением он скорее напоминал кельтского воина, готового с клеймором³ в руке встретить на поле боя саксонских завоевателей. И хотя сейчас черты его привлекательного лица смягчала учтивость, от него исходило чувство опасности. Нечто... однако, что именно, она уловить не могла. Не насилие и не гнев. Не невыдержанность или неадекватность.

С легкой улыбкой она внимательно посмотрела ему в глаза. Они были ледяные, и не только из-за цвета. От них исходил холод ледника. Очарование и доброжелательность согревали легкий изгиб его твердо очерченного рта, но при взгляде в эти глаза возникало ощущение бесконечной Арктики. Мрачной и пустой.

Внезапно она почувствовала, что озадачена и даже немного сбита с толку.

– Боюсь, мне так ничего и не пришло на ум, – призналась она, удивляясь тому, как у нее перехватило дыхание, когда он отпустил ее руку.

Казалось, он довлеет над ней, умышленно привнося угрозу в безобидную ситуацию. Может, он волк в овечьей шкуре? И хотя он был светлокочим и светлоглазым, от него исхо-

³ Кельтский обоюдоострый меч.

дили токи тьмы. Словно он влачил за собой мрачные тени на случай, если ему понадобится их защита.

Тем не менее Милли была практически уверена, что можно было по пальцам одной руки пересчитать тех, кому не требовалась защита от него. И хотя по ее телу разливалось тепло, по коже пробегал озноб, который она всячески старалась не замечать.

– И как, вы говорили, вы оказались здесь? – спросила она.

Учтивость сменилось сконфуженным выражением, совсем не подходившим его брутальному лицу.

– На самом деле меня пригласила подруга одного моего друга, я позабыл ее имя. Она довольно высокая, блондинка. Выглядит моложе своего возраста, но при этом она старше, чем утверждает. – Он подмигнул ей, и его глаза, казалось, излучали очарование. Еще не улыбка, но ее предвестье.

– О, вы имеете в виду Гертруду? – спросила Милли.

– Да, именно ее, – кивнул он и равнодушно оглядел толпу, словно бы ища ту леди. – Моего друга зовут Ричард Свивеллер, вы его знаете?

Милли покачала головой.

– Боюсь, что нет.

Он пожал гигантским плечом, отчего всколыхнулся его парадный сюртук.

– Неважно. Ведь все эти частные вечеринки отнюдь не для встреч близких друзей?

Милли окинула быстрым взглядом толпу в сотню или около того танцоров и веселящихся в разной стадии опьянения и разгула.

– Думаю, все зависит от того, какой смысл вы вкладываете в это понятие, – иронично заметила она.

И вновь раздался этот смех. Будто бы идущий из глубин доисторической пещеры. Уместный скорее в мрачных джунглях, чем в английском бальном зале.

– Не соблаговолите ли тур вальса, мисс Ли Кер? – Он подошел на шаг, вторгнувшись в ее пространство, нависая над ней стеной жара и мышц.

Милли заколебалась. Не потому что испугалась, а потому что сильно засомневалась, какой, черт возьми, танцор из мужчины такого роста и габаритов, да к тому же – она опустила взгляд – с такими громадными ступнями.

Она боялась, что стоит ему хоть раз наступить своей ножицей ей на ногу, и перелома ступни ей не миновать.

– Я легкими шагами, – словно читая ее мысли, пробормотал он.

Она подняла взгляд и посмотрела в эти тревожащие душу глаза. Ни чувств, ни эмоций как таковых в них не было, лишь слабый огонек. А удовольствия... или сожаления, разобрать она не могла.

Но боже, как же он привлекателен!

– Подумайте, на что идете, – поддразнила его она. – Танец – это что-то вроде любви, а значит, мистер Драмл, я отдаюсь вам на милость.

– Значит, отдаетесь.

Он взял, точнее, утопил в своей ладони ее обтянутую перчаткой руку и повел в круг. Она встала, ожидая просвета среди вальсирующих пар, и у нее захватило дыхание, когда, заняв место, он, закружив ее своими мощными руками, притянул к себе.

И сразу стало ясно, что все ее опасения относительно его танцевальных способностей были абсолютно беспочвенны. Он оказался самым изящным, умелым танцором в этом зале... а, возможно, и любом другом бальном зале Лондона. Он близко, до неприличия близко притянул ее к себе, и прочно, будто железным зажимом, держал ладонь на ее спине. Тепло этой ладони восхитительным тавром проникало сквозь платье и корсет. При этом нежность держащей ее ладони не уступала ее теплу.

Его руки под сюртуком оказались даже тверже, чем она себе представляла. Положив ладонь ему на плечо, Милли при каждом движении ощущала малейшие перекаты волн его мускулов и замирала от восторга. Настолько, что оступилась и потеряла равновесие на повороте.

Он притянул ее к себе еще ближе, дав возможность спокойно обрести баланс, поддерживая мощью поразительно крепкого тела. Вернувшись в ритм вальса, она глянула на него с благодарностью.

– Кажется, мисс Ли Кер, это *мне* стоит волноваться за сохранность ног.

Прижавшись лбом к его плечу, она засмеялась. Ее сердце билось в ритме вальса, разнося волны теплого нервного трепета по всему телу. Может статься, все ее сомнения относительно него были такой же ошибкой, как и тревоги по поводу его танцевальных способностей.

– Мистер Драмл, расскажите мне, чем вы занимаетесь?

– Я давний партнер в одной торговой компании, – ответил он.

– Может, я о ней слышала? – настаивала она.

– Вряд ли. Мои партнеры заняты ежедневным ведением дел, собраниями, слияниями, поглощениями и тому подобное. Я отвечаю за контракты, убытки и... персонал.

– Надо же, – заигрывала с ним она. – Похоже, вы серьезный человек, которого следует знать. Расскажите поподробнее.

К этой уловке она прибегала нередко. Мужчины любят поговорить о себе. Однако на сей раз ей, кажется, на самом деле было интересно узнать. То, как он проводил дни. И особенно ночи.

И с кем.

– По сравнению с вашей жизнью все это ужасно скучно и буднично.

Милли скорее почувствовала, чем увидела, как он наклонил голову, приблизившись к ней. Внезапно гомон и окружающая обстановка «Сапфирового зала» испарились. Все показалось темнее. Ближе. Их ноги вальсировали над теньями, а тела сливались в безукоризненном ритме, показавшимся ей чувственным. Даже греховным. Ее обволакивал его теплый мужской мускус из аромата кедровых стволов, мыла для бритья и чего-то еще более темного. Дикого. Чего-то, отдававшего опасностью и страстью. Соитием, запах которого наутро оставлял тебя помеченной. Экстатическими криками и непристойными ударами изголовий о тонкие стены, служившими постоянным аккомпанементом ее жизни до совсем недавних пор, пока она смогла позволить себе отдельную квартиру.

Откинув голову, Милли хотела посмотреть ему в глаза, но так высоко ее взгляду было не достать. Он уперся в его губы. Мягкость на твердости, почти жестокие скобки извечного мужского обличья.

Его поцелуи действительно могли *бы* ее пометить. Рыжеватая щетина, коснувшись ее кожи, оставит красные пятна.

– Думаю, – прошептала она, во второй раз задохнувшись от его близости, – думаю, мистер Драмл, вы хотите меня поцеловать.

Его ответ никак не походил на остроумный флирт, которого она ожидала.

Он вывел ее из круга так же неожиданно, как и ввел. Перед ними расступилась толпа, в которой художники и актеры смешались с низовым дворянством и богатыми купцами. Те, у кого есть деньги, власть, влияние, но кто не обременен более строгой моралью высшего света.

Их проводили взглядами. Милли было не привыкать.

Благодаря ее известности везде, где бы она ни появлялась, люди неизменно на нее смотрели, но у нее возникло сильное подозрение, что на сей раз в центре внимания была отнюдь не она.

По мере углубления в дебри «Сапфирового зала» делалось все сумрачнее и скандальнее. В темном уголке коридора две очаровательные женщины сплелись в страстных объятиях, вза-

сос целуя друг друга. В их страсти читалось отчаяние. Отчаяние, рожденное слишком долгим сопротивлением неутолимому желанию.

Отголосок этого желания отозвался и в теле Милли, когда, следуя за мистером Драмлом, она остановилась в узком укромном уголке под лестницей. Люстра в вестибюле светила вполнакала, создавая интим, но давая достаточно света, чтобы в углу легла непроглядная тень.

В эту тень они, искавшие темноты, и нырнули. Задышающаяся Милли оказалась прижата незыблемым торсом Бенгли Драмла к стене, словно узница.

Узница добровольная, но все же узница.

Господи, она никогда так не поступала. Конечно, случалось ей украдкой срывать или дарить поцелуи в знак благосклонности. Она беззастенчиво флиртовала, принимала открытое восхищение и даже позволяла за собой ухаживать. Но еще никогда вот так. При всем честном народе, с незнакомцем, от которого ей не надо ни денег, ни льгот.

Исключительно ради наслаждения.

Так он стоял мгновение или, быть может, вечность. В темноте их дыхания мешались. Вино, портвейн и желание.

Из-за люстры, ореолом освещавшей его рыжие волосы, его лица она почти не видела. Однако Милли точно знала, что оба они не ангелы, а с таким таинственным и чувственным мужчиной дорогу в ад она себе проторит за один вечер.

И лучше уже начать.

Она потянулась к нему, приглашающе приподнимая рот, но он не давал ей двигаться. Он просто стоял против нее, грудью приподнимая ее груди, и держа ее большими руками за талию. В его движениях ощущалась непонятная ей нерешительность.

Милли знала, что он немного ее видит. Ее манящий взгляд на сей раз был непритворен, и его руки, наконец, зашевелились.

Этот мужчина всегда делал не то, что она от него ожидала. Даже сейчас его руки не блуждали, а двигались целеустремленно. Сжали ее талию. Потом ребра, еще больше затруднив и без того уже прерывистое дыхание. Сам он судорожно втянул воздух, добравшись до ее груди, но на них не остановился. Не накрыл ладонями и не сжал, не полез под корсет погладить ноющие от боли соски.

Его руки просто продолжали ползти вверх по ее голой груди и плечам, и мозоли на его ладонях царапали ее нежную плоть, вызывая холодные мурашки по всему телу.

И он *все еще* не поцеловал ее. Между их губами оставался ничтожный просвет, а его руки медленно ползли к ее горлу.

Милли, уже не стесняясь нарастающего в ней возбуждения, издала сладострастный стон. Кто бы мог подумать, что желание могло быть таким восхитительно всепоглощающим? Томительное ожидание в плену этих рук – больших, мозолистых рук – лишает последних остатков гордости, и ты принимаешься умолять.

– Обещаю, больно не будет, – прошептал он, когда его пальцы вкрадчиво подползли к ее шее, а затем под подбородок, и замерли.

Ей уже больно. Больно в тех местах, о которые лучше не думать. Милли почти не могла дышать, как в тугом корсете.

– Если вы меня не поцелуете, я умру, – призналась она.

Он застыл.

Дрожа от не находящего разрядки чувственного возбуждения, она, привстав на цыпочки, прильнула к нему, впившись губами в его губы.

Поцелуй был таким же жадным, как и внезапным. И хотя его глаза, может, и остались холодными, рот был горяч и отдавал вином и мужчиной. Она самозабвенно поцеловала его, упиваясь тем, как вздрогнуло и мгновенно напряглось его тело.

От его грубых пальцев на ее горле до твердого естества в брюках.

Едва Милли ощутила его твердость, как набухли ее чувствительные груди под корсетом, налившись и отяжелев. Зудящая от желания кожа требовала, чтобы он обнажил ее, сорвав ставшие стесняющими одежды. Немедленно.

Его язык вторгся, наконец, в ее рот, а из ее горла вырвался стон одобрения. Сначала он большими пальцами провел по ее ключицам, потом принялся ласкать ложбинку на ее горле, гладить подбородок, линию щеки, наслаждаясь ею с ненасытной жадностью гедониста.

Милли почувствовала, что он погружается в нее, как она в него. А поднимавшаяся в ней плотская женская сила еще жарче распалила ее желание. Ей хотелось, чтобы он еще глубже ушел в нее. Вкусил ее. Сверху, и снизу, и изнутри.

Быть может, их сегодняшняя встреча предначертана. Быть может, он тот мужчина, которого она ждала, сказочный герой, который ее завоеует и покорит ее сердце.

Его пальцы вновь легонько стиснули ее горло, и у нее перехватило дыхание. И она застонала от судороги страха, сладкой волной пробежавшей по нервам и влажным омутом оросившим ее между бедер.

– Еще, – потребовала она, обнимая его за шею и ластясь к нему как кошка, требующая, чтобы ее погладили.

Его проклятие утонуло в пещере ее рта, и в этот момент она поняла, что им обоим во что бы то ни стало необходимо довести происходившее между ними до конца.

Прежде чем ведущая в зал дверь с грохотом распахнулась настезь, из-за нее раздался шум, послуживший им предупреждением. По полу вестибюля, путаясь в ворохе юбок, катались две женщины, плюясь, ругаясь и жестоко царапаясь. В одной из них они узнали ту, что в соседней комнате целовалась с подружкой.

Другая была им незнакома.

Милли и мистер Драмл отскочили друг от друга, внезапно оказавшись в окружении буйной толпы, шумно и горячо выражавшей одобрение и поддержку дерущимся дамам. Некоторое время Милли на них смотрела, ошеломленная тем, что женщины могут быть настолько жестоки друг к другу.

Но, подумалось ей, ревность – сильное чувство.

– Эй, – крикнула она через плечо своему потенциальному любовнику, – не хотите ли вы...

И запнулась, поскольку слова оказались обращенными в пустоту.

Он исчез.

Глава третья

Милли поняла, что перебрала с выпивкой, только тогда, когда не смогла сообразить, действительно ли нанятый ею добратся пару кварталов от Ковент-Гарден до Друри-Лейн экипаж остановился или продолжает ехать. Потому что мир непрерывно покачиваться.

Спиртным она не злоупотребляла, но сегодня случай был особый.

Сегодня ее бросили.

Ну конечно, у нее была замечательная премьера в Ковент-Гарден. Это так. Но еще у нее был самый чувственный, самый романтичный момент за всю ее жизнь, а потом... ничего.

Бентли Драмл. Какое дурацкое имя. Теперь она была уверена, что слышала его раньше и не при самых благоприятных обстоятельствах.

– Вот мы и приехали, мисс Ли Кер.

Кучер открыл дверь, и сильный порыв холодного ноябрьского ветра подействовал на нее отрезвляюще.

– Осторожнее, ступенька.

Милли оперлась на протянутую им руку и подобрала юбки, прежде чем, ежась от холода, ступить на мостовую. Кучеру, душевному малому в красивом цилиндре и галстук-бабочке по фамилии Хиггинс, она щедро заплатила. Ей подумалось: пусть он поспит хотя бы пару часов до рассвета, который уже скоро позолотит островерхие крыши Лондона.

Она икнула и поплелась к двери.

Бентли Драмл. Кретин. Больше ничего ей в голову не приходило. Сегодня она праздновала день своего невиданного триумфа. Возможно, высшие силы специально послали ей этого мужчину, смиряя ее гордыню в вечер апофеоза ее славы. Словно напоминая ей, что в этом мире с ней можно обойтись как с обычной шлюшкой.

Боже, а ведь она с ним вела себя именно так.

А то, что он ее отверг, еще сильнее усугубляло ее падение. Господи, просто она была слишком романтична. Слишком стоворчива. Слишком...

Одинока.

– Мисс Ли Кер, вам помочь войти? – ласковым тоном, которым говорят с пьяными, невменяемыми людьми или маленькими детьми, осведомился кучер.

– Нет, благодарю вас, Хиггинс. – Повернув ключ в замке, она ввалилась внутрь и захлопнула за сегодняшним вечером дверь.

Ее квартира была невелика, но для центра просто роскошна. Войдя в комнату, служившую гостиной, Милли остановилась у приветливо горящего камина и дождалась, пока его тепло не согрело ее.

Она любила свой дом. Его стены драпировали шелка, привезенные с Востока, а в обстановке присутствовало все – от индийских подушек до антикварной мебели эпохи Людовика XIV и турецких кистей, воздавая дань уважения каждому цвету спектра и одновременно сохраняя баланс уюта и роскоши.

– Милли, дорогая, идите ко мне!

И Милли утонула в пухлой груди своей экономки, миссис Беатрис Бримтри.

– Ах, да вы же замерзли, как снежная баба, дайте я сниму с вас плащ, и я набрала ванну, когда мне сказали, что чествование уже близится к концу.

Если кто из них двоих и напоминал снежную бабу, то миссис Бримтри. Ее круглые дебелие груди были под стать всей ее фигуре, чья обладательница за модой никогда не гналась. Все ее тело, от щек до ягодич, при каждом шаге колыхалось, к величайшему удовольствию ее вечно ненасытного мужа Джорджа, и после двадцати лет брака продолжавшего называть ее «молодкой».

– О, Би, не стоило меня так долго ждать, уже третий час ночи.

Милли попробовала было воспротивиться попыткам миссис Бримтри помочь ей снять плащ, но окончательно запуталась в складках, и экономке пришлось терпеливо, как девочку, ее раздевать.

– Ерунда, я все равно не заснула бы, пока не узнала бы все о вашем звездном дебюте на лондонской сцене.

Сморщив нос, экономка по загнувавшему шагу мягкому ковру направилась в свою комнату в задней части квартиры.

– Господи, да от вас разит джином, сигарами и неблагонамеренными мужчинами...

– Я, как обычно, провела вечер в компании всех троих! – хихикнула Милли, не желая, чтобы в ее словах послышалась хотя бы тень горечи. Ведь что ни говори, а ее премьера увенчалась невероятным успехом, а поэтому ей казалось, что ноги буквально земли не касаются.

И, похоже, подумалось ей, хорошее настроение ей помог вернуть джин.

– Как я понимаю, премьера была успешной.

– О, Би, меня вызывали на поклон трижды! – завертелась на месте Милли, а миссис Бримтри проверила температуру воды в глубокой медной ванне и добавила в нее немного лавандового масла. – Надо видеть, сколько в моей гримерке цветов – запах будто в теплице. Это было так волнительно, что сердце до сих пор бьется как сумасшедшее.

И это не имело никакого отношения к Бенгли кретинскому Драмлу и его незабываемым губам.

– Якоб спит? – спросила Милли, в надежде стряхнуть оковы бархатных воспоминаний.

– Малыш заснул в вашей кровати только в половине второго. Он хотел сам вас поздравить и все рисовал вас в вашем костюме.

По дороге из ванной комнаты в смежную спальню губы Милли невольно расплылись в счастливой улыбке от знакомого чувства тепла и гордости. Приподняв полог кровати с балдахинном, она наклонилась и ласково прижалась к покрытой нежным пушком щеке своего самого дорогого в целом мире существа. Ее величайшей радости и самой страшной тайне.

– Мój Syn?⁴

Якоб поднял голову, и его волосы цвета мокрого песка зашекетали ей нос.

Милли взбила и без того чудовищно пышные перины, совсем утопившие худышку в горе неги.

– Я дома, коханий.

Так она называла его с младенчества. В их родной Польше это означает «любимый».

– Я тебя ждал... – пробормотал он.

– Я вижу.

Улыбаясь, Милли откинула с его лба прядь волос в надежде увидеть кроткий взгляд его оленьих глазок, но те были закрыты. Ее сладкий мальчик продолжал оставаться в плену волшебной страны грез, на самой ее границе, и отпусти она его, как он вновь немедленно погрузится в ее глубины.

– От тебя воняет, – сморщил нос он.

Ее улыбка превратилась в нежный смех, когда она поцеловала лоб, который только что открыла, и скатилась с пещеристой постели.

– Я собираюсь принять ванну, а потом приду и перенесу тебя в твою кроватку.

– Я проснусь... – проговорил он.

Доставая из платяного шкафа шелковый халат, Милли уже засыпала на ходу.

Пока она смотрела на сына, усталость начала потихоньку брать верх над алкоголем и возбуждением. Лучше принять эту ванну, пока она еще в состоянии.

⁴ Сын? (пол.)

Миссис Бримтри разложила полотенце, привезенное Милли из Парижа мыло и ароматное миндальное масло, которое та любила наносить на мокрые волосы, чтобы их расчесать, и на кожу, чтобы она стала мягкой.

– Идите к Джорджу, Беатрис, вы же знаете, он не любит засыпать без вас. Я слишком устала, чтобы разговаривать. Обещаю, я все расскажу вам за завтраком, это будет гораздо интереснее.

– Хорошо, дорогая.

Беатрис еще посуетилась, зажгла еще одну лампу, расправила халат и ночную рубашку и повесила их на ширму.

– Про моего Джорджа вы, конечно, правы. Он такой милый, слишком много пьет и чертыхается, но за это я его обожаю.

– Хорошо, передай ему от меня привет.

И Милли поцеловала Беатрис в зардевшуюся щеку и принялась расшнуровывать свой корсет с завязками спереди, а значит, не требующий помощи для того, чтобы его снять.

Милли разделась, но миссис Бримтри не уходила, а продолжала стоять, насупив брови.

– Мисс Милли, я могу говорить без обиняков?

– Конечно.

Милли вытащила из тяжелых волос шпильки, и дотоле болевшая кожа головы мучительно зачесалось. Пот от жаркого сценического света и духоты последующей вечеринки высох на коже, и она с нетерпением и сладостным удовольствием предвкушала горячую ванну.

– Вы никогда не приводите домой мужчину.

Пораженная, Милли так и замерла, держа руки в волосах. Если бы миссис Бримтри знала, что сегодня вечером она едва не привела одного из них домой. Если бы она только знала, как она себя вела. Точно бы отправила в церковь замаливать грехи.

– У меня есть Якоб, – мягко возразила она.

– Это совсем другое.

Мистер Джордж и миссис Беатрис Бримтри служили у нее дворецким и экономкой уже почти два года, с тех пор как она могла позволить себе держать прислугу, и, несмотря на столь короткий срок, они стали как одна семья. Однако даже будучи горячо любящими супругами, дотоле они никогда не осмеливались говорить Милли ничего подобного. Что сегодня за вечер, постоянно напоминающий ей об одиночестве?

– Просто такие женщины, как вы, предпочитают жить своим умом и вечно ждут идеала.

Опустив руки, Милли моргнула.

– Неужели? – прикидываясь беззаботной, спросила она, но внизу живота, где всего пару часов назад все горело желанием, привычно кольнуло одиночество.

– Я все время беспокоюсь о том, что вы почти каждый вечер разыгрываете истории о влюбленных рыцарях, изъясняющихся сонетами, кончающих самоубийством во имя любви или сражающихся с тиранами и чудовищами и спасающих даму. Сейчас таких героев не сыскать, но и сегодня полным-полно хороших мужчин.

Как кто, например? Бенгли Драмл? Господи, она и впрямь отвратительна, если не может выкинуть его из головы. Разбойник. Ничего хорошего. Ей следовало удовольствоваться своим первым впечатлением от него.

Произнося все эти слова, Беатрис не смотрела ей в глаза, и Милли подумала, что ее нерешительность и волнение восхитительны.

– Иногда приходится идти на уступки, может, он, к примеру, красавчик, но дымит как паровоз. Или добрый малый, но от молока у него ужасные ветры. Или, скажем, богат, но у него парочка скверных зубов.

– Вы хотите сказать, что я высокомерна?

Тот факт, что миссис Бримтри не стала спорить, задел ее сильнее, чем Милли могла подумать.

– Иногда надо принимать мужчину таким, как он есть, со всеми недостатками и тому подобным, и одиночество улетучится, и мрачная полоса минует. Если он почувствует, что вы любите его со всеми недостатками, он, скорее всего, будет любить вас и после того, как пройдет ваша молодость, известность и красота.

– Я не одинока, – солгала Милли. – У меня есть Якоб...

– Нехорошо, что у мальчика нет отца. И, кроме того, не успеете вы и глазом моргнуть, как он вырастет и у него будет своя семья. И что тогда будет с вами?

Милли отвернулась от миссис Бримтри и почувствовала себя обнаженнее, чем без одежды.

– Поверьте мне, так лучше.

Якобу нужно больше защиты, чем большинству мальчиков, и все из-за страшной тайны его матери.

– Но...

– Спокойной ночи, Беатрис, – твердо сказала Милли. – И пожалуйста, не забудьте передать от меня сердечный привет Джорджу.

Воцарилось молчание, и Милли подошла к ванне.

– Да, мадам.

Милли ждала, пока захлопнется дверь, чтобы переступить через край медной ванны и, глубоко вдохнув, опуститься в нее с головой. Когда она кланялась публике на той сцене, ей казалось, что этот блестящий вечер ничто не способно омрачить. Самое замечательное и блестящее подтверждение всей ее жизни.

Но она ошибалась.

Беатрис называла ее «мадам», когда была чем-то недовольна. Полагая, что дает добрый совет, не подозревала, насколько весь мир опасен для нее и Якоба. Появление в ее жизни мужчины разрушит безопасность и комфорт, которые она для них создала.

Якоб заслужил быть в безопасности и расти без страха. Он заслужил лучшее из того, что она могла ему дать. Получше, чем дали ей родители и братья. Получше, чем волочащиеся за ней, но без любви, распутники и знатные господа.

И лучше, чем Бентли Драмл.

Черт побери, почему он всплывал у нее в голове каждые десять секунд? Во всем виноваты парадоксы его лица. Скорее всего. Теплая кожа, красивая и темная, рыжие волосы и требовательные глаза. Как будто он жил в солнечных краях.

Были и другие противоречия, которые она тотчас ощутила. Горячий язык. Холодные глаза. Грубые руки. Нежные пальцы. Жесткий рот. Мягкие губы.

Милли выругалась, расплескала воду и выругалась еще раз, на сей раз по-польски.

Забуть о мужчинах. Ей надо делать карьеру. Растить сына. И ради него до поры довольствоваться сценическими героями – она ведь прекрасно знала, что в одном миссис Бримтри была права.

В реальном мире их не существовало.

От холода у Кристофера Арджента заболели руки. Он влез на кованые железные ворота и с каменного столба ограды переступил на карниз нижнего этажа квартиры Милли Ли Кер. Его подогнанный по фигуре жилет стеснял движения, он его снял и повесил на одну из множества торчащих железных пик ворот. По узкому коридору Друри-Лейн пронесся порыв ветра и полоснул его тело сквозь рубашку, как кнутом. Сходство болевых ощущений и вправду было поразительным. И ему даже пришла в голову мысль, что боль от удара кнута не так сильно

пронизывает тело, как ледяной ветер. Тем не менее последующее жжение в обоих случаях было поразительно сходным.

На пустынной улице царило спокойствие, бывшее ему на руку. Такой холод, весь город покрывший инеем, вынудил даже самых стойких ночных гуляк и преступников сидеть под крышей.

К холоду Арджент привык. Был рожден в нем и им вымуштрован. И вспоминал о нем только тогда, когда тот отражался на его физическом состоянии.

Как сейчас, когда он чувствовал, как с каждой минутой коченели суставы пальцев. Мобилизовавшись, он быстренько прикинул расстояние до второго этажа и, встав на цыпочки, потянулся вверх.

Грубый кирпич карниза врезался ему в кончики пальцев, но он стиснул зубы и всей силой рук и спины поднял подбородок над карнизом. Подтянув верхнюю часть тела, он первым делом убедился, что никто не смотрит из окна на улицу.

Мягкий свет фонаря пронзал ночь, но даже со своей ненадежной точки обзора он мог видеть, что ему не грозит опасность быть обнаруженным, поскольку окно даже при открытых шторах загоразивала японская ширма.

Крякнув, он вскинул ногу и, опершись ступней, распрямился и встал, развернувшись спиной к узкому проему стены красного кирпича между двумя арочными окнами.

Ему доводилось влезать на стены с узкими карнизами, но нечасто.

Сунув ладони под мышки, чтобы их согреть, он повернул шею и заглянул в окно. Японская ширма у окна была длиной около четырех пейсов⁵ и состояла из трех створок, для устойчивости развернутых по диагонали в разные стороны. На створке, закрывавшей ему обзор, был нарисован азиатский пейзаж.

Сквозь продольную щель между панелями Арджент мог видеть только блеск медной ванны. Над ее краем клубился пар, поэтому он пару минут подождал, чтобы убедиться, что в ванной никого нет.

Потраченное на ожидание время нервировало. Хотя терпения ему было не занимать. В его деле время значило очень много. Время, необходимое для проникновения в чей-то дом. Время схватить, чтобы задушить или зарезать. Время, чтобы скрыться. А главное, время, которое требовалось его клиентам для производства оплаты. Поэтому он быстро сообразил, что над водой показалась голова Миллисент Ли Кер.

Арджент моргнул. И чего он ожидал? Сказать он не мог. Он действительно не мог вспомнить, чего именно ожидал. И поэтому мозг ответить на этот вопрос не решился. Но не тело.

Его губы сладко свело от воспоминания о ее поцелуе. Кожу согрело тепло ускорившегося кровотока. Галстук и вся одежда сделались тесными. Особенно брюки. Легкие, казалось, разрывались, сжатые грудной клеткой, а дыхание внезапно стало жарким.

Снова. Желание. Непривычное ему, как тепло и доброта.

Никогда прежде он никого так сильно не хотел, как Милли Ли Кер.

Но почему? У него было много женщин. Согласных на все, обученных и необременительных. Одноразовых.

Почему именно она? Почему именно сейчас?

Что в этой актрисе такого, притягивающего и возбуждающего его? И что в ней не так, как у других?

Его безошибочный глаз на детали в значительной степени опирался на выявлении характерных особенностей. Едва нечто попадало в центр его внимания, начинались вычисления, анализ, расстановка приоритетов, а затем следовало точное определение. Вещи, люди, места и события были частью пейзажа и вызывали равное любопытство и эмоциональную амбива-

⁵ Около 3 метров.

лентность. О прекрасных часах он думал так же, как о прекрасной женщине. Оба были любопытными и сложными устройствами, и для их понимания требовались сосредоточенность и точность. Оба служили полезной цели.

И обоих легко сломать.

Однако по какой-то непонятной причине Милли Ли Кер не укладывалась на определенную полочку и не вписывалась в графу классификации. Она слишком... поразительная? Редкая? Интересная?

После провала первой попытки ее убить, прежде всего из-за того совершенно неожиданного поцелуя, Арджент всю ночь следил за ней и восхищался. Как ей удалось им манипулировать с помощью элементарного поцелуя? Почему он замер и уже не смог сжать ее прекрасную шею? И как ей удалось так быстро прийти в себя после их встречи, а он, мужчина, нанятый ее убить, все еще ее воцелел, вспоминая шелковистость ее кожи под своими пальцами?

Всю ночь масса знатных волокит и ухажеров-выскачков соперничали за ее взгляд, слово, улыбку или танец. И она легко их дарила, флиртуя то с одним, то с другим поклонником, словно робкая бабочка, неизменно избегающая сетей.

Он понял, что она мастерица этой уловки. Каждый мужчина рядом с ней чувствовал себя единственным, она же смотрела на них совершенно одинаково. Никогда ни с кем не задерживалась слишком долго. Не говорила слишком много. Не прикасалась больше дозволенного приличием.

За исключением него. Из всех своих поклонников и ухажеров, среди которых одни были красивы, а другие титулованы и богаты, только ему она позволила увлечь себя в темноту. Позволила его ладоням прикоснуться к ее мягкому телу, а губам к ее еще более мягким губам. Почему именно ему? Какой неведомой никому другому магией он ее привлек?

И хотя она лучилась теплотой, каждое ее движение, как и у него, подчинялось строгому расчету. Она была недосыгаема, как возлюбленная богиня. Далека, как тропический остров.

А он – темен и холоден, как обитатель ада. Не мог не быть. И сколь бы властно ни манили его к ней, как мотылька, излучаемые ею свет и тепло, он справился и вернулся к себе домой – во тьму.

Милли Ли Кер должна умереть.

Сегодня ночью.

Его холодные размышления заняли слишком много времени. Арджент предположил, что никто так долго не мог оставаться под водой в ванне. Значит, ему пора действовать.

Вытащив из-за голенища длинный, тонкий кинжал, он сунул лезвие между рамами и тихонько провел им, пока тот не уперся в защелку, после чего он легким движением открыл окно. Затем, повернувшись боком, проскользнул в комнату и бесшумно спустился на ковер ванной комнаты. Одновременно закрыл окно и нож. Один из секретов успешного убийства – это экономия движений.

Теперь, когда он оказался внутри, влажное ароматное тепло наполнило его легкие и замешательством разлилось по застывшим членам. Рубашка из тончайшего и мягчайшего полотна раздражала расшалившиеся нервы.

Негоже, если он не справится.

С этим контрактом все с самого начала шло не так, и необходимость сделать работу становилась все более и более настоятельной.

С южной и западной стороны комнаты располагались две двери. Та, что на западной стене, была открыта, на южной – заперта. В свете тусклых ламп, падавшем из-за открытой двери, Арджент увидел ведущий в гостиную коридор. В коридоре все три двери, две на южной и одна на северной стене, были закрыты. Арджент догадался, что двери на юг ведут в спальню, а северная дверь – на второй этаж.

Там жила прислуга. Супружеская пара. Среднего возраста, полные и еле передвигаются. Они не проблема.

В дальней комнате заскрипела половица, и в полной тишине звук показался разрывом пушечного ядра. Арджент спрятался за шелковой ширмой, наострив уши в ожидании шума.

Слабый шорох. Шепот. Вдалеке.

Арджент встал, неслышно ступая, пересек комнату и притаился за дверь в коридор.

Эта маленькая комната примыкала к спальне хозяйки. Большинство женщин устроили бы тут салон или принимали гостей. Милли Ли Кер украсила ее костюмами, нарядами, халатами, париками, сувенирами, большой медной ванной и множеством пузырьков и безделушек в беспорядке расставленных по всем мыслимым поверхностям.

Арджент был рад, что в комнате горела лишь одна масляная лампа, иначе блеск и сверкание всего этого скарба наверняка сбили бы его с толку еще сильнее.

Спустя несколько напоминавших вечность минут дверь комнаты открылась и закрылась, и он услышал приближение женских шагов.

Его действия должны быть быстры и безупречны. Один бросок. Один быстрый, решительный захват шеи на легком выдохе. И она умрет.

Его грудь сжалась, но он безжалостно проигнорировал свое состояние, сделав несколько вдохов, чтобы сконцентрироваться.

И он был как вода, его руки готовы излить смерть.

Прежде нее в комнату вплыл ее запах. Ваниль и лаванда, пьянящими ароматными маслами из ванны. Промельк черной косы на светлой ночной рубашке в тонкой нити света, падавшей сквозь щель между дверными петлями. Еще пять шагов, и она вошла в комнату, оказавшись в пределах досягаемости. Еще три удара сердца. Два. Один.

Он бросился к ней, потянулся к горлу. Одно скручивающее движение. Один захват. Он проделывал это десятки раз. Сотни.

Но... его ладони. Они не слушались. Не скручивали, а обхватывали. Не сжимали, а притягивали. Обнимали, вместо того чтобы убивать?

Она сопротивлялась ему, испуганно вскрикнув, когда он крепко обнял ее сзади, застав врасплох, легко подчинив ее, одной рукой прижимая ее руки к бокам, а другой держа за горло. Он старался не замечать, насколько роскошное и мягкое у нее тело. Какая она чистая и как сладко пахнет, и как ее круглый зад плотно прижимается к его чреслам.

Он почувствовал, как расширилась ее грудная клетка, когда она сделала глубокий вдох, собираясь закричать.

– Только пискни, и я убью того, кто войдет в эту дверь... – угрожающе прошептал он. – Свидетелей я не оставляю.

Из ее рта вырвался тихий плач.

Арджент сделал все возможное, чтобы проанализировать ситуацию, но что-то в его сознании отказывалось работать. Он пытался найти в подсознание решение проблемы, которую сам только что создал. Это прекрасное, мягкое существо дрожало в его объятиях, играло его чувствами и путало его мысли.

Что он, черт возьми, натворил?

Она все еще не видела его, он мог сжать руки на ее шее, и она умерла бы через несколько секунд. Работа будет закончена с единственным небольшим сбоем.

«Можешь сначала ее взять, прямо тут, на мягких коврах. – Подленько нашептывало ему бездушное зло, в котором он жил. – Станешь последним, кто ею наслаждался».

Арджент зажмурился. Никогда. Он забирал жизни, но ему в голову не приходило взять то, что женщина сама не давала ему просто так.

Или за деньги.

Он сжал зубы от беспомощного отчаяния, когда восставший член уперся в ее бедра.

Что с ним произошло? Что она с ним сотворила?

Женщина снова заплакала, ее тело тряслось от страха, а дыхание лихорадочно участилось.

Арджент не хотел, чтобы она пугалась. Не хотел ее страха. Он хотел, чтобы этот плач прекратился. Его рука легонько сжало ее горло. Что бы ни сделала эта женщина, она не заслуживала запугиваний. Даже таким бесчувственным убийцей, как он. Так почему же он не мог просто сжать руки? Почему она все еще не умерла?

Потому что некогда ее темные глаза горели жизнью. В ее улыбке светилась такая радость, которой большинство взрослых людей жизнь обычно лишает. Потому что... хотя он был безбожником, что-то свыше нашептывало ему, что он не вправе забирать такой свет из мира.

Потому что она поцеловала его, и с этого мгновения, вынужден был признать он, ему никогда больше не быть прежним. Она пробудила в нем то, что, как он считал, умерло в нем навсегда.

Дверь в прихожую открылась.

– Мама? – раздался из темноты слабый голос.

Они оба застыли.

Пол в прихожей скрипнул под ногами ребенка. Еще мгновение, и мальчик их увидит.

«Черт!»

– Пожалуйста, – даже тише, чем приглушенным шепотом выдохнула она. – Делайте со мной, что хотите, но, пожалуйста, не троньте моего сына.

Глава четвертая

Милли не дышала. Еще никогда в жизни она так не молилась. Лишь бы сын остался лежать в постели. Лишь бы...

– Слушайся меня, и я ничего вам не сделаю, – прорычал он ей в ухо.

Она не помнила, как и почему она вдруг оказалась с ним лицом к лицу, пока он не схватил в кулак ее волосы, не повернул за шею и не приблизил свои губы к ее губам. О боже. Она его узнала. Эти губы она узнала бы повсюду.

Она целовала их всего час назад.

Внезапно его ладони легли на ее щеки, большими пальцами сжал ее губы, и те раздвинулись, пустив его язык во влажную прогалину рта.

Она могла его укусить. Выцарапать ему глаза. Врезать коленом между ног, схватить Якоба и с криком выбежать из дома.

Однако от этого мужчины сбежать было невозможно. Это ей стало ясно по тому, как он ее целовал, и по неослабевающей власти рук, когда он ее схватил.

Это были отнюдь не привычные для нее, деликатные, искательные ухватки джентльмена. Или мягкие, искушающие поцелуи, которые она позволяла возбужденным мужчинам, понятия не имевшим, что означает слово «джентльмен». Это не был жадный, страстный поцелуй накануне вечером.

На сей раз в его губах было что-то дикое. Что-то темное и отчаянное, ошеломившее, казалось, даже его самого. Милли подумалось, что даже в обычных обстоятельствах этот поцелуй потряс бы ее чудовищным напором. Казалось, внутри маньяка что-то сломалось. И она почти услышала этот звук.

Из его горла вырвался стон. Стон удовольствия. Стон агонии.

– Матка? Мама?

Дверь приоткрылась.

– Эй!

Милли отстранилась и удивилась тому, что он это позволил.

Якоб стоял, держась за ручку двери, его медовые волосы были спутаны, на прекрасном маленьком личике застыло выражение удивленного, по-детски невинного отвращения.

– Коханый, – выдохнула она, и ее сердце колотилось так громко, что слышали все в комнате. Однако от страха или от поцелуя, искренне сказать она не могла.

– Я услышал шум, – смущенно проговорил ее сын.

Когда Милли бросилась к Якобу, напавший застыл абсолютно неподвижно, и она безмолвно вознесла благодарственную молитву за то, что он ее отпустил.

– Знаю. Прости. Д-давай пойдем спать.

Отчаянно пытаясь спасти Якоба от злодея, она подхватила малыша и побежала в детскую. Оказавшись в комнате, она усадила мальчика и заперла дверь, прислонилась к ней и постаралась унять панику.

– Кто это был? – Глаза Якоба были широко раскрыты и круглы как у совенка.

Как она могла ответить на этот вопрос? Он был опасный мужчина. Тот, кому вечером она позволила себя поцеловать, тот, кто пришел в ее дом с какой-то одному богу ведомой гнусной целью. И виновата она, она вела себя как блудница и подвергла своего сына опасности.

– Почему он тебя целовал? – спросил сын, не дожидаясь ответа на первый вопрос.

Милли открыла рот, чтобы ответить, терзаясь оттого, что все еще чувствует на губах вкус мужчины. Неужели он ворвался, чтобы приставать к ней? Закончить начатое ими в том углу под лестницей? изнасиловать ее?

– Это мой отец?

Рука Милли бессильно опустилась на грудь.

– Почему, во имя всего святого, ты так решил? – выдохнула она, потянувшись за колокольчиком в комнате Якоба и дважды с паузой позвонила.

Сигнал Джорджу Бримтри об опасности. Он придет с ружьем, и все закончится.

Якоб пошел за ней, когда она проверила замок на двери, отошла и снова его проверила.

– В школе Родни Битон сказал, что матери должны целовать отцов, когда те им прикажут.

– Родни Битон – дурачок, – не задумываясь, проворчала Милли, обняла Якоба и крепко прижала к себе. – Тот мужчина... Он не твой отец, – сказала она мягче. – Он...

Она услышала, как распахнулась дверь чердака, и, тяжело ступая, к запертой двери заспешил Джордж Бримтри.

– Джордж, в моих покоях взломщик, – сказала она через тяжелую дверь.

– Я со своей старой Франческой его изловлю, – взревел Джордж, а Франческой он, разумеется, величал винтовку.

Милли слышала, как Джордж обыскивал ее комнаты.

– Будь осторожен! – с опозданием крикнула она.

Джордж был мужчиной крупным. Много лет прослужил в пехоте, и в руках у него была винтовка. Но она почему-то была уверена, что даже с винтовкой у него нет шансов против ворвавшегося к ней в дом распутника.

Слыша, как ковыляет по коридору ее дворецкий, Милли снова затаила дыхание и молилась, чтобы он остался жив.

– Мисс Милли, все чисто. Никого нет. Я проверил все уголки и закоулки.

Милли с опаской отперла дверь и выглянула в тускло освещенный коридор, трясаясь сильнее, чем в лапах подонка. Вид дородного Джорджа в ночной рубашке и шляпе, прижимающего к груди старую винтовку, ее бы рассмешил, если бы она не была так напугана.

– Вы не ранены, мисс Милли? – спросил он. – Якоб в порядке?

– С нами все в порядке, Джордж, – проговорила, ненавидя дрожь в своем голосе.

– Должно быть, ушел через окно. Хотя не пойму, как он не сломал при этом ноги.

Старик выглядел озадаченным.

– Джордж, лучше всего обратиться в Скотленд-Ярд, – произнесла, закрывая дверь, Милли и, обернувшись к бедному Якубу, чьи глаза все еще были широко раскрыты, снова взяла его на руки.

Хватит, завтра она поставит решетки на всех окнах, или никогда больше не сможет спокойно спать.

Глава пятая

«Пожалуйста, не троньте моего сына». Холодный, жалящий февральский дождь эхом повторял эти слова, когда он пробирался по улицам Ист-Энда. Арджент не мог понять, чьим голосом ревела несущаяся с севера буря. Милли Ли Кер? Или его матери?

Конечности онемели и утратили ловкость, хотя сказать наверняка, виноват ли в этом холод или стук в голове, он не мог. Ему вдруг почудилось, что он пробежал несколько миль. Ребра сжимали легкие, не давая дышать. Сердце колотилось в грудной клетке, пульсировало в ушах, его удары по мышцам отдавались в костном мозге.

Так ли холодно на улице? Или потрясал контраст между холодом вечера и теплом тела, прижимавшегося к нему всего несколько мгновений назад?

Пытаясь вспомнить, как долго бежал, он нырнул на самые темные улицы, самые опасные переулки с названиями вроде Катфрут-еорнер или Ханг-Три-роу. Он не мог остановиться. Если он остановится, с него сорвет кожу. И ничто не защитит его разум от срывающей плоть до костей бури.

Он все время задавался беспристрастным вопросом: продолжит ли в груди шириться черная холодная пустота, чтобы поглотить его целиком. Возможно, он и бежал от нее. Опустошение. Забвение.

С тех пор, как он помнит. С тех пор... с той ночи, когда он остался в этом мире один, ему часто казалось, что он живет *вне* тела. Словно идя рядом с собой, рядом с собственным сознанием, со стороны безразлично наблюдал он за пролитой кровью. Его тело действовало как оживший труп, кости и вены, но без души. И никакая страсть не делала его существом по сути *человеческим*. Способным вздохнуть над стихотворением или увидеть себя в картине. Обидеться на ближнего или из жадности развязать войну.

Он полагал, что ему недостает этого неотъемлемого элемента.

Смерти он не боялся. Жизнь не ценил. Ничего не любил, и поэтому не страшился боли или потерь.

Так почему он гнал себя по улицам предрассветного Лондона? Почему не чувствовал кожи? Или дыхания в легких? Этот трепет был признаком того, что тело вырубилось или сделалось сильнее?

Над мраком бури проносились образы. Озеро крови размером с тюремную камеру, растущее с каждым новым трупом, который он в него бросил. Большие прекрасные цвета черного мрамора глаза светились последним проблеском жизни в сопровождении громких аплодисментов. Маленький мальчик смотрел, как умирает его мать. Что он сделал? Что недоделал? Какова стратегия его следующего шага?

«Пожалуйста, не троньте моего сына».

Его грудь стеснилась так резко, что он ахнул, стремительно прижал к ней руку.

Ему нужно подумать. Он слишком рассеян, слишком зажат. Его бесило то, что можно быть одновременно отделенным от своего тела и заключенным в его тюрьму. Ему нужно сосредоточиться, нужно освободиться, и точно знал, где это удастся сделать.

Повернув влево, он пересек Лаймхаус-стрит и нырнул в так называемую Тополиную аллею. Не из-за листвы, а из-за небольших хибарок из древесины тополя.

Запах нездешних специй, уличные торговцы, жарящие на шампурах необычные деликатесы, животные в загонах и неочищенные сточные воды, мешающиеся с тем, чему лучше оставаться в тени и тумане.

Экзотическая еда была отнюдь не единственным лакомством. Миниатюрные женщины с иссиня-черными волосами в халатах мерцающего шелка манили из наполненных сладким ароматным дымом белых палаток, между которыми, шатаясь, брели люди, одурманенные разного

рода излишествами. Опиум, алкоголь, обжорство, секс за деньги – здесь, на азиатском рынке, можно было купить все, и Арджент, ни к чему не пристрастившись, все это вкусил.

Бежать Арджент не мог, потому что на рынках и в трущобах даже в столь ранний предутренний час было слишком многолюдно. Даже когда он шел, люди были повсюду. Арджент выделялся ростом везде, но здесь, в азиатском квартале, он бросался в глаза, как пламя в темноте. Его провожали взглядом, но он не смотрел ни на кого. Он вообще не опускал глаз.

Глядеть прямо в глаза он избегал всегда. Смотрел он сквозь них или упирался взглядом в переносицу. Поступал он так, считая, что в глазах жила сама жизнь. Понял он это давно. И увидев однажды, как жизнь из них уходила, он не мог от этого видения избавиться. Всякий раз, когда засыпал. Или иногда, моргая, словно оно вытатуировано на веках.

Любой, с кем он встречался взглядом, мог оказаться его потенциальной жертвой. Сначала эта мысль его нервировала, а потом перестала. Наоборот, стала привлекать. Сделала его сильным. Как бога. С возрастом он понял, что чувствовал себя живым, только отбирая жизнь.

И это пришло с опасностями собственной жизни.

В наслаждении убийством не было стыда, но для некоторых оно сделалось одержимостью, своеобразной наркоманией, а Ардженту не хотелось зависеть ни от чего.

Потому для заполнения пустоты ему служили другие средства.

– Я тебя знаю, – еле слышно окликнул его нежный голос из одной шелковой палатки. – Тебе нужна девушка, которая встанет на четвереньки.

Арджент повернулся, опустил взгляд и посмотрел на миниатюрную женщину с длинными-предлинными черными волосами и кричаще красными губами, нарисованными на столь сильно выбеленном лице, что оно едва отличалось цветом от палатки.

Она была права. Он брал женщин только сзади. Им он тоже в глаза смотреть не хотел.

Подойдя к нему, она скромно положила руку на рукав его куртки.

– Я встану перед тобой на четвереньки, – хриплым голосом предложила она. – Я не боюсь, как другие девушки.

«Она сказала, что сегодня...»

– Возможно, в другой раз, – оттолкнул он ее.

Сегодня вечером он искал другой порок. Перед собой на четвереньках ему хотелось видеть другую женщину...

Боже, что с ним сделал этот образ. Милли Ли Кер наклонялась к нему, ее сливочная кожа обнажалась, и ее тело принимало его.

«Черт».

Ему необходимо от этого как-то освободиться, или он сгинет тут в холодной лондонской ночи.

Открылась дверь, и двое мужчин вытащили полуголоое тело, чтобы бросить его в канаву истекать кровью. Арджент понял, что нашел подходящее место. Кивнув одному из служащих дома, которого знал много лет, он заметил в его глазах алчный блеск.

– Ты дашь мне время сделать ставки? – спросил мужчина, сбросив ношу и вытирая о брюки грязные руки.

– Если ты устроишь мне бой, я дам тебе шесть процентов от выигрыша.

Вытянув из кармана портмоне, Арджент бросил все содержимое этому человеку по имени Вэй Пин и по расшатанной лестнице поднялся в дом без номера.

В трех полетах от земли, в глубине здания, звук оглушал настолько, что из-за него не было слышно бурю. Мужчины. Сотни. Кто в белых галстуках, а кто в лохмотьях, но все кричали, исходили потом и орали на бойца, за которого рисковали своими деньгами.

Пройдя склонившись под косяком двери, Арджент кивнул толстому китайцу Пан Ли, арендовавшему здание у Дориана Блэквелла, бывшего в доле бизнеса. Мужчина поднял два пальца, вопросительно изогнув бровь.

В ответ Арджент поднял три.

После кивка Пан Ли Арджент направился к яме. На грязный пол полетела куртка. Потом галстук, жилет и, наконец, рубашка.

Когда он снял рубашку, все ахнули. Он давно уже не обращал на это внимание.

Дождь и пот струились с его волос и бежали по позвоночнику. Его мускулы были теплыми от бега. Он был готов.

Он был как вода.

При виде него по толпе пронесся адский вой. Кристофер Арджент. Последний ученик мастера Ву Пина в искусстве Вин-Чунь Кунг-Фу. Воин из тюрьмы Ньюгейт. Самый молодой и самый высокооплачиваемый боец последнего десятилетия. Самый хладнокровный и смертоносный человек во всем Лондоне.

Он знал, что все видели, как он снял и поставил у ямы свои дорогие ботинки, уверенный, что даже в этом воровском притоне на них никто не посмеет позариться.

«Пожалуйста, не троньте моего сына».

Эти слова преследовали его двадцать два года.

Долгие годы после смерти матери его били. Охранники. Заключенные. Даже союзники. В мире, подобном тюрьме Ньюгейт, боль служила средством общения, единственным общедоступным языком. И как только пару лет спустя повесили Ву Пина, новым учителем Арджента стала боль.

И его торс являл обширный, бледный дневник усвоенных уроков, шрамов и боли, за которые он сполна расплатился той же монетой. Жестокой силой, обретенной в каторжном труде, строгих тренировках и в аналогичных борцовских ямах времен юности, когда вслед за Дорианом Блэквеллом он сошел в преисподние Ист-Энда. Каждый из них делал все, чтобы заработать деньги. Неопишное.

Как единственная струйка воды за долгие годы вымывает в скале пещеру, так Арджент выточил из себя острое оружие, инструмент смерти. И никогда не упускал возможности нанесения смертельного удара.

До сегодняшнего вечера.

Почему? Оставалось вопросом...

В круглую яму, дыру в земле глубиной с могилу и шириной с небольшой будуар, просочились трое. Войдя в яму Вэй Пина, не оставалось ничего, как только лечь или победить. Третьего не дано.

И его не уложил никто.

Арджент изучал своих противников. Размер и вес им никогда в расчет не принимались, хотя больше него весили лишь крупные африканцы. Внимание он обращал исключительно на мастерство, а владели им только двое из трех. Темный мужчина европеоидной наружности, облаченный в одну только грязную набедренную повязку. Индус, догадался Арджент. И искуснее сражается с оружием, а не голыми руками.

Хотя оружие в яме запрещалось, иногда, в надежде на то, что, угодив толпе, избежит последствий, кто-то решался на грязный трюк. Хотя где индус мог прятать оружие, представить было трудно.

Африканец был тяжел и силен. Арджент понял, его лучше перехитрить и не дать прижать себя к земле.

И наконец, костлявый испанец – тот его почти не тревожил. Спеси больше, чем умения, с лихвой восполняемого бравадой, громкими угрозами и заигрыванием перед толпой.

Он просил трех противников, а не двух с половиной. Поразмышлять ему требовалось основательно.

Едва прозвучал гонг, как был нанесен первый удар.

Противники решили, что раз он не плясал и не раскачивался, а твердо стоял на земле и не двигался с места, то он станет легкой мишенью. Они были явно не из здешних.

Он позволил индусу нанести первый удар в челюсть. Щека Арджента врезалась в зубы, и рот наполнил металлический привкус крови. Боль вернула его в тело. Направила разум туда, где ему следует быть, в черепную коробку. Открыла в груди холодную пустоту, а также наполнила зияющий рот.

Арджент знал это.

Теперь он мог подумать. Теперь он мог рассмотреть последствия своих действий и сформулировать план.

Выплюнув кровь в глаза индуса, он использовал элемент неожиданности, чтобы подсечь его ударом ноги. Схватив его за волосы, Арджент почувствовал, как скула его противника треснула от удара о колено.

Толпа взревела.

Один готов.

Он никогда не брал заказ, который не собирался выполнять. Так почему он не смог прикончить Милли Ли Кер?

Женщин он убивал. Даже матерей. Один контракт заключил сын-аристократ, отчаянно пытаясь помешать матери отдать состояние в наследство любимой собаке. Другая была акушеркой, кравшей у неимущих матерей незаконнорожденных и продававшей тем, кто больше заплатит.

Ее он прикончил даже со скидкой.

Однажды он задушил мадам купленной им шлюхи за попытку продать ему двенадцатилетнюю шлюхину сестру.

Девица расплатилась натурой. Хорошая сделка.

Арджент сражался с африканцем, видя, что испанец подбирается, чтобы напасть сбоку. Однако на самом деле опасность в этой яме оставалась только одна. Он оскалил перед противником окровавленные зубы. Одному из немногих в этом мире ему не надо задираТЬ голову, чтобы видеть ясно. «Правильно, – подумал он – Думаешь, я ранен. Загнан. Ты придешь ко мне со всей своей силой».

Именно эту силу Арджент против него и использует.

И почему он не мог использовать ее против своей прекрасной мишени?

Ему хотелось бы обвинить ее в том, что она его обескуражила, сделав дитя свидетелем того, как он убивает мать. Это и впрямь тяжело. Однако милую Милли Ли Кер он не решился убить *до* того, как сын стал проблемой.

А ее возглас, дословно повторивший давнюю мольбу матери за него, окончательно лишил его остатков холодного, жесткого здравомыслия, начавшего его покидать еще тогда, когда он смотрел, как Миллисент умирает на сцене.

Африканец бросился вперед, размахивая длинными руками, разившими, как паровой молот. Вместо того чтобы нырнуть под его кулаки, Арджент прыгнул к нему, войдя в ближний бой и крадя силу удара противника. Блокировав его мощный выпад, он одновременно ударил соперника в горло. Или, скорее, *сквозь* горло, как его научили много лет назад.

Ко всем проблемам он получил неслабый удар от испанца, но не утратил концентрации и, прыгнув на падающего африканца, нанес ему еще два сокрушительных удара, которые свалили его на землю.

Двое готовы.

А что в случае Милли было особенного, чем он отличался от всех прочих?

Вопрос простой химии? Злополучная похоть – животная и примитивная, как драка в этой яме?

Одному богу было известно, как вмиг онемело его тело, когда они прикоснулись друг к другу. Черт возьми, он и теперь застыл при одной мысли об этом. Ее прикосновение было электрическим. Мощным.

И опасным.

Ее поцелуй... Хорошо, что он не поддается описанию. Мучительнее любой пытки. Изысканней любого воспоминания.

Милли Ли Кер переполняла жизнь, энтузиазм, эмоции и тепло, и, когда они соприкоснулись, все это странным образом перешло в него.

И за одно драгоценное мгновение он смог... это почувствовать.

Как это могло произойти? Как такая женщина, которую считали воровкой, шантажисткой, алчной карьеристкой с холодным, как у него, сердцем, могла так на него повлиять? Женщина, которая так самоотверженно и отчаянно защищала сына, не соответствовала рассказам о преступнице, достойной смерти.

Серьезна ли ее любовь к мальчику? Или она столь непревзойденная актриса, что обманула его? Его мать – преступница, воровка и шлюха – тем не менее самоотверженно любила Кристофера. На самом деле многие холодные убийцы, преступники и зачинщики войн любят свои семьи.

Это их слабость. Одна из тех, которой они часто пользовались в ходе недавно начатой Дорианом Блэквеллом Подпольной войны против лондонского преступного мира.

Вопросы без ответов ему не по душе. Как и неизвестные переменные. В худшем случае мисс Ли Кер могла явиться в полицию с его описанием. Прежде он никогда не оставлял свидетелей, а за последние годы они с Блэквеллом и без того уже слишком хорошо познакомились с главным инспектором Морли, чтобы так рисковать.

Вскрик толпы и блеск металла предупредили его откатиться, уклоняясь от удара ножом в позвоночник. Как раз в то мгновение, когда испанец с ножом бросился на него, он нанес удар ногами, а потом прижал руку с ножом к груди испанца.

Все было кончено, а Арджент лишь с удовлетворением подумал, что лезвие ножа, по рукоять вошедшего в грудь бывшего и кричащего испанца, могло бы быть и поострее. Бросив соперника истекать кровью, Арджент подошел к двери из ямы, открывшейся при его приближении. Толпа перед ним расступилась, и он, ведомый одной лишь целью, оставил ее какофонию позади.

Выигрыш он получит потом.

Сейчас ему необходимы ответы на многие вопросы, связанные с безупречной формой Милли Ли Кер.

Он должен снова ее увидеть, и на сей раз это должно быть отпущение грехов. Ему необходимо логически и объективно проанализировать ту власть, которую она над ним имела. И, пойдя ва-банк, он примет окончательное решение. Он либо убьет ее...

Либо предъявит на нее свои права.

Глава шестая

– Убийца? – спросила Джейн, с блаженным вздохом окунаясь в солевую ванну. – Ты уверена, что старший инспектор не переусердствовал? У всех нас были фанатичные поклонники. Ты ведь сама сказала, что, вломившись к тебе в дом, он только и сделал, что поцеловал тебя.

Поднимающийся над водой пар заставил Милли задержать дыхание, прежде чем, глубоко вздохнув, она, наконец, устроилась в бассейне.

– Во всем нападении мне тоже это показалось особенно странным, – согласилась она. – Он держал руки у меня на горле, будто хотел меня задушить, но потом просто... держал их... прижимая меня к себе.

Милли пыталась не думать о его теплом, крепком теле и ледяных холодных глазах. Это расстраивало. Расстраивало, потому что сильнее переживать ей следовало из-за всей этой перепрядки в целом. Но иногда тепло его тела изменчески всплывало в памяти, и это расстраивало больше всего.

Джейн сквозь клубящийся пар бросила на нее сочувственный взгляд.

– Бедняжка, ты, должно быть, страшно испугалась.

– Да, – призналась Милли, вынимая булавки из волос и упуская в воду. – Как подумаю, что он мог причинить вред Якобу, и становлюсь просто сама не своя. Я хотела умереть. Я хотела его убить. И убила бы, тронь он сына хоть пальцем.

Но нет. Он снова исчез.

– И просто... поцеловал тебя? – сморщила курносый нос Джейн. – Не слишком много смысла, как, по-твоему?

– Вообще никакого.

– Ну знаешь, ты действительно на самой вершине, если больные на голову поклонники врываются к тебе в дом, чтобы украсть поцелуй.

Джейн умела отнестись несерьезно ко всему, даже к ужасному. Потому ей и удавалось сохранять в мрачном мире такую солнечную улыбку.

– Те два монстра все еще ходят за тобой и Якобом?

Безусловно, она имела в виду телохранителей, нанятых Милли наутро после нападения для себя и Якоба. Здоровенные братья-ирландцы, широкоплечие и короткошеие. Их фамилия была Макгивни, и воняло от них ужасно. Что, по мнению Милли, добавляло им боеспособности. Рекомендации у них были самые лучшие, а Якобу нравилось, что как бы он их ни тянул, они оставались недвижимы, как скала.

– Мистер Макгивни стоит у входа в баню, – призналась Милли. – А его брат с Якобом в школе. Мне пришлось очаровать директора ради получения разрешения.

Прошло уже три дня, три спектакля, три бессонных, но без пришествий ночи, и Милли, наконец, вновь почувствовала себя в безопасности.

Но только пока сегодня днем ее не вызвали в Скотленд-Ярд для беседы с главным инспектором Карлтоном Морли.

Мучительный стон Милли эхом отозвался от мозаичных стен бани, когда она попыталась увязать это событие и вызванные им странные эмоции.

Она любила это место с его золотым декором и турецкой атмосферой. Словно сошедший с полотен Жана-Огюста-Доминика Энгра. Греческие колонны. Римская плитка. Турецкие драпри. Марокканские светильники. Частичка экзотического Средиземноморья в центре Лондона. Место, где из почтенной публики никто никогда замечен не был, а все пользующиеся дурной славой присутствовали просто обязательно. Вечерами здесь собирались исключительно богатые мужчины и дорогие куртизанки. Однако, поскольку вечерами Джейн и Милли служили в театре, здесь они бывали в первой половине дня, когда вода была чиста, а ванны

практически пусты. Якоб был в школе, и они могли встретиться, повторить роли, посплетничать, за ленчем посидеть в кафе Пьера де Голля на углу и послушать хвастливые рассказы хозяина о том, как некогда, еще до службы в театре, он был лендлордом графини Нортволк.

Сегодня, когда у одной из них за спиной маячил весьма вызывающего вида ирландец габаритами с небольшой вагон, их еженедельный дневной ритуал выглядел совсем иначе.

Но все лучше, чем рисковать новым столкновением с Бентли Драмлом.

Так ведь и имя его, выходит, ненастоящее? Старший инспектор Морли заметил, что и Бентли Драмл⁶, и названный им ей на вечеринке знакомым Ричард Свивеллер⁷ – второстепенные диккенсовские персонажи...

Сидя в строгом кабинете Морли у гигантского стола красного дерева, она была не в силах встретиться с соболезующим взглядом хозяина и чувствовала себя полной дурой. Круглой идиоткой. Воистину, обвести вокруг пальца женщину, почитающую себя столь искушенной и умеющей читать людские намерения, безусловно, мог только актер посильнее.

Профессиональнее.

Наемный убийца, как предположил инспектор Морли.

Милли лично знала сэра Карлтона Морли со времени трагической смерти своей дорогой подруги Агнес Миллер пять лет назад. Хотя убийцу так и не нашли, инспектор любезно держал ее в курсе новых нитей расследования, и она хотела сделать так, чтобы он никогда не дошел до важнейшей подсказки.

Якоб.

– Джейн, – тихо проговорила Милли. – Мне хочется, чтобы ты тоже... была осторожнее. Обещай мне.

– Почему? – Джейн взяла крупную виноградину из фруктовой тарелки на краю бассейна и, поднося ее к губам, запрокинула голову, чтобы намочить волосы. – Этот мужчина охотится за тобой, а не за мной.

– Но если старший инспектор Морли прав, он не просто преследует женщину. Похоже, на его счету много убийств. Выходит... – Она замолчала, не ожидая ответа на свою скверную новость. Не желая ее проговаривать. Произнеси она ее здесь, стены эхом вернут ей ее слова, и одно из ее любимейших мест будет отравлено этим ужасом.

– Кажется, он охотится на женщин с детьми. С мальчиками. Обнаружили тела женщин, но не детей. Все несчастные мальчики пропали без вести.

Даже сквозь пар было видно, как у Джейн округлились глаза.

– Это ужасно! – воскликнула она. – И сколько их?

– Думают, полдюжины.

– Думают? – Джейн пересекла бассейн, чтобы сесть рядом с Милли, и та была втайне рада. Внезапно она почувствовала себя уязвимой. По коже пробежали мурашки, и даже в воде ее прошиб пот. В углах зашевелились зловещие тени, стены придвинулись.

– Они думают, что этот мужчина был в твоей квартире? – ситуация становилась гораздо серьезнее, и Джейн схватила Милли за руку. – Но он тебя поцеловал. Он тебя отпустил. Что они думают об этом? Думают, что он все еще преследует тебя? Что они предпринимают, чтобы вас защитить?

Ее подруга прикоснулась к ней, и Милли с благодарностью сжала ее руку.

– Они не знают, куда отнести мое нападение. По словам старшего инспектора Морли, он только начал устанавливать связи. Понимаешь, эти женщины жили в разных районах. Они ходили в разные места. Они разного возраста. И... они... убиты по-разному. Некоторые

⁶ Персонаж романа «Большие надежды».

⁷ Персонаж романа «Лавка древностей».

жестоко, другие... И еще. Одних изнасиловали, других пощадили. Задушили, закололи, или... забили. Одну застрелили.

– О боже! – перекрестилась Джейн.

– Единственная связь между убитыми женщинами – их пропавшие сыновья.

Джейн покачала головой, прижав рот ко рту.

– Как ты думаешь, эти бедные мальчики... мертвы? Или хуже?

Милли увидела, как в глазах сострадательной подруги блеснули слезы.

– Никто не знает. Они просто исчезли.

– И давно это происходит?

– Инспектор Морли сказал, что за два месяца было пять случаев.

– Почему мы об этом не знаем? – гневно взмахнув рукой, спросила Джейн. – Почему об этой истории не трубят во всех газетах, предупреждая матерей Лондона?

– Потому что случаи смертельные до сих пор не были связаны между собой. О некоторых из них сообщали местные газеты. И одна, я думаю, была дочерью богатого шахтовладельца, мистера Рэндала Августина. Помнишь, мы читали в «Дейли телеграф» о том, что его внук пропал без вести?

Бледная заплаканная Джейн кивнула.

– Вроде бы. Обычно я не обращаю внимания на такие новости. Это так скучно.

– Я не хотела тебя огорчать, Джейн.

Милли забыла, насколько впечатлительна, склонна к истерикам и обморокам ее подруга. Такого детства, как у Милли, не было ни у кого. Она ни разу в жизни не упала в обморок.

– Я просто хотела предупредить тебя, чтобы ты была бдительна. Очень осторожна.

– С какой стати? – даже не плача, всхлипнула Джейн. – У меня нет ребенка.

– Знаю, но... все равно.

Джейн посмотрела в глаза Милли, и мучительно попыталась сформулировать тяжелую мысль.

– Милли, если мужчина, который ворвался в твою квартиру, был тем убийцей, почему он не забрал Якоба? Почему он тебя поцеловал и... отпустил?

Милли откинула голову на край ванны и закрыла глаза.

– Я не знаю, Джейн.

Она сама спрашивала себя об этом, когда он исчез из ее квартиры.

– Правда, не знаю.

Было слишком поздно, понял Арджент. Слишком поздно возвращаться.

Он слишком долго готовился. Слишком долго очищал свою кровь от огня, чтобы снова стать как вода. Три дня сплошной муштры, поста, медитации и сна очистили его разум и тело. Он снова стал холоден. Безжалостен. Сконцентрирован.

Готов дать смерти течь с его рук.

Или нет. В зависимости от обстоятельств.

Сейчас самое время, и он должен встретиться с ней в бане. Чтобы они закончили это дело в воде.

Он поднялся по лестнице в «Дом Юлии» и кивнул Эллису Макгивни.

– Черт меня побери, если это не Кристофер Арджент, – пропел ирландец, удивительно лиричным для столь мрачного типа голосом. – Пришел за голубкой сцены?

– Она моя. – Арджент сделал паузу, спрашивая себя, достаточно ли ирландец глуп, чтобы попытаться его остановить.

– Целовать или убивать? – мусоля во рту сильно потрепанную сигару, спросил Эллис.

– Это еще предстоит выяснить.

На суровом лице мужчины мелькнула тревога.

– Я попытаюсь остановить тебя, только если ты убил Эли.

Хотя выражение налитых кровью глаз телохранителя говорило о том, что он знал – это будет и его смерть. Однако такой человек, как Эллис Макгивни, не оставил бы гибели близнеца неотмщенной.

– У меня нет причин ссориться с тобой или с твоим братом, – сказал Арджент. – Кажется, он все еще на своем посту.

Эллис с облегчением пожал плечами.

– Тогда я сдаю свой пост тебе. Хотя, если не возражаешь, скажу – это скверно для бизнеса. Как можно заработать на жизнь телохранителем, если твои клиенты в конечном итоге гибнут?

– Лучше не охранять никого, за кем иду я.

Челюсти ирландца гневно сжались, мощная ручища сложилась в кулак величиной с кувалду.

Арджент уставился на него. Выжидающе.

– Мы поддержали Блэквелла в Подпольной войне, – тихо сказал Эллис. – Мы все еще верны ему. Вам обоим. Помните, что если у вас есть какие-то задания, то бросайте нас в бой.

– Блэквелл никогда не забывает, – кивнул Арджент и подумал: «А мне все равно».

Эллис поглядел на красочный витраж между двумя римскими колоннами, украшавший экзотическую баню.

– Она была добра к нам обоим. Честна. Мила со своим мальчиком. Заплатила вперед. Мне неприятно думать о ее крике, страхе или боли.

– Этого не будет, – пообещал Арджент.

– Хорошо, тогда у меня камень с души.

С этими словами Эллис Макгивни с неожиданным для столь крупного мужчины проворством сбежал по ступеням бани. Приподнял шляпу, гнилыми зубами осклабился случайно проходившей даме, посмеялся ее вздоху и исчез.

Влажный пар наполнил легкие Арджента, пока он по длинному коридору пробирался в дамской раздевалке к ваннам.

Женские голоса гулким эхом отдавались от толстых, голых стен и по коридору неслись к нему. Один – мелодичный и высокий, другой – нежный и низкий.

«Милли».

Он проклинал свое участвовавшее сердцебиение и стесненное дыхания.

Опять это предвкушение. Ему необходимо что-то делать, чтобы от него избавиться.

Слушая разговор женщин, Арджент, не видя их, прятался в тумане, стоя спиной к дальней стене, пока не пробрался в темный угол, словно под покров плаща из теней и пара.

Тот факт, что она пошла к Морли, мог расстроить планы Блэквелла, но нисколько не удивил Арджента. Он спрашивал себя, сколько времени потребуется главному инспектору, чтобы эти серийные убийства привели его к порогу Черного Сердца из Бен-Мора. На Дориана Блэквелла, как на царствующего монарха криминального мира, ляжет немалая доля вины за преступления, которые он не совершал.

А многие сойдут с рук. Все сойдут.

Насколько знал Арджент, Блэквелл убийствами не злоупотреблял. И не занимался рискованным делом похищения детей. Так кто же убивал этих женщин? И что произошло с пропавшими мальчишками? По опыту Арджента у каждого убийцы, как правило, свой почерк. Образ действия или привычка, осознанные или нет. Кто-то насиловал, кто-то – нет. Убивали медленно или быстро. Некоторые предпочитали оружие. Другие, навряд ли него, использовали подручные средства. Поэтому зарождающаяся баллистика и судебно-медицинская экспертиза не могла его выследить. Его удавку, его руки, иногда нож. Все три самые смертоносные его орудия.

Поэтому так удивляла изложенная Милли старшим инспектором Морли версия об одном убийце, совершившем эти несвязанные убийства.

Даже интересно.

Если старший инспектор прав, то кто мог быть убийцей? Кроули? Возможно. Старый ублюдок давно в деле, почему бы ему не взять пять заказов за два месяца? Может, его печень не протянет до виселицы. Доршоу? Арджент считал, что тот ушел на пенсию. По крайней мере, в последнее время полиция уже не собирала с мостовой органы и тому подобное. Возможно, алжирцы. Или пруссаки.

Может быть, кто-то новый терроризировал улицы. Его улицы.

Ему надо бы поговорить с Блэквеллом. А не связаны ли эти убийства матерей с малолетними сыновьями с адвокатом Джеральдом Дэшфортом? Не потому ли заключен и контракт Арджента на Милли? Это могло быть совпадением. Но совпадения редки в криминальном мире. В его мире. Дэшфорта он несколько минут видел, а среди его клиентов немного тех, кто мог позволить себе нанять Арджента. И ему надо это выяснить.

– Милли?

Уши Арджента пронзил звук ее имени, и это был отнюдь не единственный отреагировавший орган его анатомии.

– Я перепарилась, ты идешь на ленч?

– Боюсь, сегодня не смогу. Я заберу Якоба из школы, а потом возьму с собой в театр.

Это был ее голос, понял Арджент. Он... что-то с ним сделал. Физически. В отличие от большинства женщин ее голос возбуждал низовой резонанс, не увлекавший, а завораживавший. Ее слова будто захватывали его в плен, но плен был блаженный. Это возбуждало нездоровое любопытство. Как она стонет от удовольствия? Как кричит на пике страсти?

– Я не нахожу себе места без сына, даже в школе он, кажется, слишком долго, – проговорила она. – Знаю, что перестраховываюсь.

Вовсе нет. Кто-то хотел убить ее, а, возможно, и мальчика.

– Я не тебя виню.

Длинная, худая фигура распрямилась и потянулась в солнечных лучах. Клубы пара скрадывали ее линии и углы, но сейчас обнаженная женщина Арджента не интересовала.

По крайней мере не златовласая.

– Я возьму у Пьера еду для тебя и Якоба, – предложила дама по имени Джейн. – Положу в твою раздевалку.

– Спасибо, дорогая.

Блондинка нагнулась, по очереди подставляя обе щеки для поцелуя Милли, видимой ему лишь как темная головка над водой.

При виде Милли, целующейся со своей обнаженной подругой, ему пришлось прислониться к стене, поскольку его тело ожило, а похоть вспыхнула с новой силой.

Джейн выбралась из ванны и завернулась в простыню и полотенце, прежде чем выйти в вестибюль, ведущий в дамские раздевалки.

Она прошла от него в трех шагах и даже бровью не повела.

Арджент ждал, пока она уйдет, чтобы подкрасться к своей жертве поближе. Он ощущал себя настоящим хищником. Голодным, нетерпеливым, но осознающим, что ожидание точного момента броска играет важную роль в захвате добычи.

Нежными руками Милли собрала над плечами длинные, тяжелые, эбенового цвета волосы, блестящие от воды и масел, обнажив перед ним спину. Когда она пошевелилась, смытая с их длинной волны мыльную пену, Арджент заметил, как обозначились две полосы вдоль ее позвоночника.

Его кровь прямо из-под кожи в почти осязаемой гонке устремилась к сердцу. А собравшись там, решительно двинулась вниз.

И тут она встала.

На миг он задохнулся. Открыв рот и судорожно глотнув воздуха, утонул во влажности и желании.

Арджент никогда в жизни не подозревал, что похоть может парализовать. До того как увидел ее обнаженной, он считал сношение биологической потребностью. Чем-то, совершаемым по желанию члена. Дававшего разрядку, удовольствие.

От вожделения его пальцы сжались в кулаки.

Капли воды, сбегавшие по изгибам ее тела, падали в воду с музыкальным стоном, меланхоличным, словно дождь. Казалось, влага так отчаянно льнула к ее телу, что рассеянные лучи дневного солнца, преломленные ею, из проблесков превращалась в сияние.

Она была существом солнечного света. Если у большинства женщин яркое освещение усиливало болезненную бледность, ее, как золотым плащом, целовало солнечным теплом, усиленным богатством теплых тонов темных волос.

Когда она наклонилась, чтобы достать мыло у края ванны, он едва не упал.

Три дня. Арджент стиснул зубы. Три дня он к этому готовился. Он, человек предельного терпения и дисциплины. Не храбрый, а бесстрашный. Воля у него не просто сильная, а железная. Он не стонал, когда его жгли, кололи, били, секли плетьюми.

Так почему вид славных бедер Милли Ли Кер исторгал стон из его груди?

За миг до того, как у него подкосились колени, она снова нырнула.

Опустила под воду эбеновую голову ополоснуть волосы, и Арджент воспользовался моментом. Теперь, с головой под водой, она не услышит даже шороха.

И шороха не было.

Это не могло продолжаться. Ему необходимо с этим покончить. Немедленно. Блаженные или нет, цепи оставались цепями, а Арджент давно поклялся, что никогда не окажется в тюрьме. Даже в бархатных сетях Милли Ли Кер.

Вода едва шелохнулась, когда он опустился в бассейн, потянулся вниз и вытащил на поверхность обнаженное скользкое тело. Она кинулась в драку.

Еще хватая ртом воздух, она наотмашь врезала ему по лицу. Вышло больно.

Арджент едва сдержался, чтобы не прибить ее о край бассейна. Он был тверд, как бриллиант.

Повернув ее, он легко ее усмирил, одной рукой, как скобой, обхватив поперек тела и прижав ее руки к бокам. И не сжал рукой за шею, а заткнул ей рот ладонью.

Он мог утопить ее. Легко. Держа в захвате, все равно тянул ее вниз. Даже сквозь слой мокрой одежды он почувствовал легкое трение ее скользкой от воды и мыла кожи.

Ее голые ягодицы потерлись об его набухший член, напрягшийся под мокрыми брюками, впустив в ложбинку между мягкими полушариями.

Они замерли. Оба не знали, что он сделает дальше.

Глава седьмая

Несмотря на панику, Милли ощутила его возбуждение у своих ягодиц. Прежде она уже оказывалась в таком же положении.

Но тогда еще не знала об истинной опасности. Он не одержимый поклонник. Его захват был твердым, но безболезненным. Он слегка ослабил руку у ее рта, чтобы она не ранила губы зубами.

Однако член у ее ягодиц вызвал такую дрожь ужаса, что по воде пошла рябь.

– Я обещал мистеру Макгивни, что вы у меня не закричите, – прорычал он ей на ухо. Влажную чувствительную кожу ее шеи обдало жаром его дыхания, однако тон был ровен и холоден, как Темза. – Не заставляйте меня обманывать, а то пожалеете. Мы поняли друг друга?

Милли, пытаясь успокоиться, подавила всхлип ужаса. Паника ей не поможет. Ради себя самой необходимо сохранить рассудительность.

Она кивнула, и он отпустил ее рот. Она облизнула губы и тотчас пожалела. На них были его пот и вкус. Но они не вызвали отвращения.

И черт ее побери, если не из-за них у нее напряглись соски!

– Чего вы хотите от меня? Что вы сделали с мистером Макгивни? – прошептала она, ненавидя свое тело за реакцию на его близость.

Затем у нее в голове пронеслась другая мысль, разжигая бешеную ярость.

– Если вы только прикоснулись к Якобу, я...

– Я и близко не подходил к вашему сыну.

Его руки стальным захватом обняли ее за талию.

– Это угроза? – прошептала она.

– Это факт.

Ее горло сдавила тревога.

– Не делайте этого, – прохрипела она. Страх испарился, сменившись решимостью и отчаянием. Ее жизнь ничего не значила перед лицом угрозы Якобу. – Я сделаю все, что вы захотите.

Он замер и не подавал признаков жизни, лишь его мужское достоинство, ровно пульсируя, упираясь в ложбинку между ее ягодицами.

– Все, что я захочу? – наконец выдохнул он ей на ухо.

Тяжесть ее предложения ударила ее между глаз так, что у нее подкосились колени.

– Кто вы? – потребовала она с бравадой, которой и близко не чувствовала. – Я знаю, что Бентли Драмл – имя вымышленное.

– У каждого из нас есть персонажи, которых мы играем, – таинственно проговорил он, положив руку ей на плечо и прижимая ее к себе. – Но будьте уверены, я никогда не причиню вреда вашему сыну. Я не убиваю детей. Меня зовут Кристофер Арджент. Меня нанял адвокат Джеральд Дэшфорт, чтобы вас убить.

Милли не могла поверить. Он произнес это как джентльмен, представляющийся в гостиной. Таким тоном он мог бы сказать: «Привет, я – лорд такой-то, приятно познакомиться».

– Вы убийца или наемник? – спросила она, изо всех сил стараясь унять дрожь в голосе, чтобы не спровоцировать его на насилие.

– И тот и другой. Един в двух лицах.

Отлично. Это ничего не значило.

– Вы говорите, этот человек, этот Джеральд Дэшфорт, заплатил вам, чтобы меня убить?

– Да.

Холодно. Его голос был настолько холоден, что она задрожала.

– Я женщина небедная, мистер Арджент. Я могу заплатить вам двойную цену за свою жизнь.

Звучало не так отчаянно. Она могла быть похожей на него. Деловой, краткой, логичной.
– Это было бы... Беспрецедентно. – Он сделал паузу. – Непременно станет известно, что я ради денег переметнулся на другую сторону. Тогда каждая из моих мишеней будет торговаться. Станет известно мое лицо. Узнают, на кого я работаю. Отличный способ попасться.

Когда умерла надежда, ее место заняла ярость. По непонятной причине ее больше разозлил его тон, а не слова. Если он собирается убить ее, он сначала получит от нее сполна.

– Вы – душевнобольной, – процедила она сквозь зубы.

Он снова надолго замолчал, и она с удовольствием поняла, что ошеломила его.

– Кто?

– Вы меня слышали.

Не обращая внимания на свою наготу, она принялась молча извиваться, как делал Якоб, когда малышом хотел вырваться из ее объятий.

– Наврали мне, взяв дурацкое имя из Диккенса. Рискую жизнью, проникли в мою квартиру посреди морозной ночи. Зачем? Поиграть со мной, запугать меня? Поцеловать меня? И вот опять вы, в центре проклятого города, прямо среди бела дня в моей ванне, в чертовой рубашке и брюках рассказываете, что не убиваете детей. И что не можете разорвать контракт из-за репутации в бизнесе. Говорю вам, вы полоумный. Сумасшедший.

– Предпочли бы видеть меня голым?

– Нет! Боже! Нет... Я просто... – Все ее попытки вырваться закончились ничем, кроме все более тесного сближения с этим пугающим возбуждением под его мокрыми брюками. – Гад, поверните меня лицом к себе! Я заслужила смотреть своему убийце прямо в глаза.

К ее огромному удивлению, он подчинился.

Но не посмотрел ей в глаза. Только не в них, а так, с расстояния вытянутой руки всю ее обшарил взглядом. Колонну шеи, груди, впадины и равнины живота, курчавый куст лобка.

Милли не забыла, как он выглядит, но была не совсем готова увидеть его снова. Или не в такой ситуации. Они стояли в столпах яркого солнечного света, и он больше напоминал не наемного убийцу, а вдохновенного архангела, и от этого несоответствия у нее опять перехватило дыхание.

Невозможно было не признать, что он красив. Красив, как молния или прилив. Восхитителен и абсолютно смертоносен. Оказаться рядом с ним – как наткнуться в лесу на волка или медведя. Страшно и в то же время инстинктивно понятно, что этот хищник – редкое и совершенное творение. Чей каждый мускул, каждое сухожилие созданы специально для охоты.

Для убийства.

Его золотисто-рыжие волосы горели в солнечных лучах. А намокшая белая рубашка переливалась всеми цветами радуги и, облепив его тело, куда лучше костюма подходила такому варвару, как он. Рельефные грудные мышцы и мощные руки отметали всякую мысль о побеге, но одновременно будили нечто иное. Нечто первозданное и тревожащее. То был мужчина, победивший всех других мужчин. Такие некогда вели легионы и свергали тиранов.

Или сами становились тиранами.

«Сопrotивляется ему бесполезно, – подумала она с ужасом. – Сбежать – невозможно». Абсолютная сила его мускульных рук этого не допускала. Она ощущала это в грубых ладонях, сжимавших ее плечи.

Он продолжал следить за ней. Точнее, рассматривать своими бледными, отрешенными глазами. И если прежде Милли чувствовала себя голой, то теперь просто выставленной напоказ.

И как гроза, как перехват дыхания за миг до того, как дикое животное перегрызает горло, нервное напряжение ее страшного ожидания разрешилось в крике:

– Давайте уже! Чего вы ждете?

Он нанес удар без предупреждения, но удар был не смертельный.

Вместо этого его рот впился нее.

Слишком потрясенная, чтобы оказать сопротивление, Милли невольно задохнулась и, раздвинув губы, позволила его языку ворваться в рот.

Его поцелуй был брутален. Или, Милли была уверена, ему хотелось таким его сделать. Однако для мужчины со столь суровым ртом его губы показались ей удивительно мягкими. Ошеломленная и обезоруженная, Милли не могла ни пошевелиться, ни закрыть глаза на нежеланный отклик своего тела на его интимный вкус.

Он прижал ее к себе, ненасытно впиваясь в нее. Его щетина царапала ей кожу, пока он властным языком исследовал ее рот. Неожиданно Милли поняла, насколько все вокруг мокрое и скользкое. Ее кожа, его язык, ее гениталии, его рука, переведенная ей под затылок притянуть ее ближе. Чтобы погрузиться глубже.

Она ощущала, как, упираясь в нее, растет, пульсируя будто сердцебиение, его возбужденный орган. Как обещание или неизбежность. Другой рукой он скользнул вниз по ее спине к изгибам ягодиц.

Интимное прикосновение вывело ее из пораженного оцепенения. Издав сдавленный стон, она резко оторвала губы от его рта и расцепила его хватку.

Он отпустил ее, а его губы остались приоткрыты. Он стоял ровно, но по вздыманию мощного торса и взгляду на Милли создавалось впечатление, что она поразила его.

Почему-то это смутило и разозлило ее еще сильнее.

– Вы так жестоки, – обвинила его она, поднятыми руками прикрывая груди и сжимая бедра, отчаянно силясь не замечать сладкого покалывания затылка после прикосновения его пальцев. От поцелуя его губы, казалось, сделались полнее и заблестели. – Почему вы так мучаете меня? Почему каждый раз, пытаясь меня убить, вы меня целуете? Это какая-то извращенная игра, в которую вы играете со всеми своими жертвами? А я не желаю вас бояться! Я откажусь быть игрушкой ваших больных забав.

Ее голос взлетел и сгустился, как пар в воздухе, и она проклинала зазвеневшую в нем пронзительную нотку истерики.

– Если вы собираетесь убить меня, давайте, убивайте и будьте прокляты!

– Я не собираюсь вас убивать, – сказал он ей ровно, хотя его ноздри раздувались при каждом вдохе.

– Что? – моргнула она. – Почему?

Вопрос был абсурден, но ей больше ничего не пришло на ум.

– Потому что... – и он посмотрел ей в глаза. Почти.

И в его глазах не было никакой жестокости. Вместо нее в их сапфировых глубинах таилось нечто совершенно неожиданное. Кроме огонька похоти. Точно определить это она не могла. Потрясение? Нерешительность?

– Я решил встретиться с вами и принять ваше предложение, – сообщил он ей. – Сегодня вечером.

Ее сердце колотилось, надежда и восторг разгоняли его до бешеного аллюра, словно жеребца.

– Вечером у меня спектакль, – совершенно запыхавшись, поспешно проговорила она. – К тому времени я смогу достать деньги и передам их вам в театре. Просто скажите мне сколько.

– Нет.

Его пальцы скользнули по ее плечу, смахивая с него в бассейн капли воды и оставляя за собой влажную дорожку на ее шее, где он погладил бьющийся под нежной кожей пульс.

– Другое предложение.

– Но другого не было... – У нее пресеклось дыхание. Но оно было.

Она сказала, что сделает все, что он захочет.

О боже!

Увидев на ее лице проблеск понимания и поднимающийся страх, он опустил руку.

– В обмен на ночь с вами я защищу вас и вашего сына от тех, кто хочет вас убить.

У Милли пересохло во рту, и она не осмеливалась поднять глаза на возбуждение, пульсирующее под его тонкими брюками прямо над поверхностью воды. Невольно отступив на шаг, она ощутила слабость в коленях и опустила на приступку под водой.

– Не смешно.

– Я никогда не смеюсь.

Почему-то в этом она не усомнилась. Настолько мрачен был изгиб его рта. Милли поставила бы все свои деньги на то, что он и вправду никогда не улыбался.

– Я не хочу защиты от такого человека, как вы.

– Вы не выживете без такого человека, как я.

– Я пойду в полицию, – предупредила она.

Он приблизился.

– Вы уже были в полиции. Наняли личную охрану.

Он быстро окинул взглядом пустую комнату.

– А я тем не менее здесь.

Да, он здесь. Большой, сильный и смертельно опасный. Эта истина тревожила ее больше, чем ей хотелось признать.

Он сложил руки на груди, напомнив ей статую Нептуна в фонтане, некогда виденном во Флоренции. Только без бороды.

– Если до вас добрался я, доберутся и другие. Но меня им не миновать. А я в своем деле – лучший.

Произнес он это без бравады или претензии, не ожидая ее возражений или подтверждений.

Новый страх скрутил ей живот.

– Сколько... сколько еще других придут за мной? И вы говорите, что они придут и за Якобом? Кто желает нам зла? Этот мистер Дэшфорт, который вас нанял, я его не знаю. На кого он работает? – В голове у нее закружилось и застучало, и она знала, что дурно ей стало не только от жары.

Стоявший перед нею убийца молчал.

– Мне в голову не пришло спрашивать, – сощурившись, посмотрел он на нее. – Сами-то вы представляете, кто может хотеть вашей смерти?

Она могла думать только об одной угрозе. Погибшей, как она полагала, с ее самой дорогой подругой пять лет назад.

– Отец Якоба, – прошептала она.

– А кто он?

Милли закрыла глаза, набираясь храбрости.

– Я... не знаю.

Еще одна уже знакомая ей пауза.

– Вы не знаете?

– Была вечеринка, за визит на которую мне заплатили, – солгала Милли. – Для богатых и могущественных. На всех были маски. Отцом Якоба мог быть... любой из них.

Все в порядке. Пусть она покажется ему проституткой, из них двоих в этой комнате, в этой ванне, ее преступление все равно менее тяжкое. Или нет?

Две самые старейшие продажные профессии. Два тягчайших греха.

Блуд и убийство.

Собрав свою храбрость, она взглянула на него и не увидела ожидаемого отвращения или осуждения. Только выражение задумчивости.

– Мне нужно узнать у Дэшфорта, кто его заказчик.

– Подождите, – закричала она. – Но я еще не согласилась на ваше предложение – мы не договорились.

– Договоримся. Вы непременно согласитесь. – Он снова посмотрел на ее тело, и неожиданно она села на уступ, пытаясь спрятаться в воде, скрестила руки на груди, выражая несогласие за неимением лучшего.

– Вы так в этом уверены? Я с вами пересплю? Только потому, что вы – лучший? Какое высокомерие!

– Это вовсе не высокомерие. Вы – лучшая актриса на лондонской сцене, а я лучший. . .

– Убийца? – перебила она.

– Да. Помимо всего прочего.

Она вздрогнула от мысли о том, что он мог иметь в виду. Стоп, он только что сказал ей комплимент? Милли прижала руку ко лбу, поскольку комната еще не перестала кружиться перед глазами.

Он не шевельнулся. Ни разу. Но почему-то показалось, что его голос стал ближе.

– Одну ночь, – повторил он. – Одну ночь в вашей постели, и я не позволю убить вас и вашего сына и гарантирую охрану до тех пор, пока не минует угроза. Разве эта цена настолько высока?

Она не могла ответить. Цена была выше, чем он думал.

Так что ее соблазняло? Почему исходящая от этого жесткого мужчины холодная опасность отвечала первородной части ее души? Неужели желание и страх могут питать друг друга?

– Зачем? – прошептала она. – У вас могла бы быть куча денег, зачем променивать их на ночь со мной? Это абсурд.

– Деньги у меня уже есть, – ответил он. – Вы сами говорили, что я не могу оторваться от вас, от ваших рук. Губ. Не могу спокойно находиться с вами в одной комнате. Без желания овладеть вами.

Милли откинула голову назад и сразу поняла, что это была ошибка. Его бедра были на уровне ее глаз, и сразу над водой, в которой он стоял, прямо сквозь брюки отчетливо виднелась возбуждение как самое красноречивое доказательство.

Можно ли быть доходчивее? И ему не стыдно?

Разумеется, нет. Он стоял, как бог, скрестив руки на широкой груди, глядя на нее своим трезвым взглядом.

– Я хочу вас, – сказал он напрямик. – Признайтесь, и вы меня хотели, не зная, кто я такой.

Милли задохнулась. В тот момент она его ненавидела. Ненавидела за то, что он прав. Тогда она и на самом деле его хотела. Умоляла его, Бентли Драмла, ее поцеловать. Он разжег самые чувственные фантазии.

Она даже представляла его в своей постели.

Пока не узнала, что он за ней охотится. Пока мир не вышел из-под контроля.

Самое скверное, что ее тело продолжало хотеть его. Беспокойный жар пульсировал в лоне, на губах, только что прижимавшихся к его. И ей хотелось, черт побери, еще!

– Вы могли бы просто. . . Взять меня. В любое время. Зачем заключать чертову сделку?

Господи, о чем она говорит с человеком, лишенным совести? Она дура?

– Я никогда не насиловал женщин, – непоколебимо произнес он. – И никогда не изнасилую.

– А просто удерживать, значит, можно? – выпалила она.

– Да.

Его честность была почти какой-то. . . ужасающей в своей тупости. Это сбивало с толку. И одновременно удивительным образом успокаивало.

– Ответьте мне, – устало сказала она, – вы имеете отношение к недавно убитым в Лондоне пяти женщинам, матерям пропавших сыновей?

– Нет.

Она хотела посмотреть ему в глаза, чтобы понять, правду ли он сказал. Однако ей показалось, что он избегал смотреть в глаза.

– Откуда я узнаю, что вы говорите правду?

– Ниоткуда, но уверяю вас, я говорю все, что знаю. Мне нечего скрывать. Хотя не уверен, что эти смерти не связаны с вашей тайной. Это нам и предстоит разведать. Если, конечно... – Мысль он развивать не стал. Горячий, скандальный, невысказанный ультиматум.

Если согласится. Если ответит «да». Если сегодня вечером пустит его в свою постель.

А было ли, возникало ли вообще когда-нибудь это «если»? Только не тогда, когда на карту поставлена безопасность Якоба.

– Идет. – Она неловко облизнула внезапно ставшие сухими губы. – Согласна.

Он кивнул, и на мгновение ей показалась, что в его глазах вспыхнул огонек. Не жар, а... что-то более глубокое. То, чему невозможно дать название как сплаву стольких разных эмоций.

Возможно, ей просто показалось, потому что она этого хотела. Она опасалась, что именно эмоций Кристофер Арджент был лишен.

– Я собираюсь вызвать кое-кого, пока вы одеваетесь, – сообщил он ей. – Он поедет с вами за сыном и вместе с Эли Макгивни проводит вас в театр, пока я допрошу Дэшфорта.

Он потер подбородок и поднял голову.

– Потом я вернусь за вами.

Милли кивнула, чувствуя одновременно тревогу, головокружение, облегчение и испуг.

– Пообещайте мне, – проговорила она, – что не причините вреда ни мне, ни Якобу, и не станете нас преследовать в будущем. После того как все кончится, я не хочу больше вас видеть. Никогда.

– Даю вам честное слово, – сказал он и отпустил ее.

Милли внимательно посмотрела в его лицо в полном осознании своей уязвимости. В осознании абсолютной смертоносной силы возвышающегося над ней мужчины. Восхищающий. Отвратительный.

Возбуждающий.

Что бы она ни искала, найти ей не удалось. Его черты были разочаровывающе пусты.

– Ваше слово действительно что-то стоит, Кристофер Арджент?

Он помолчал и отвернулся от нее.

– Полагаю, мы скоро в этом убедимся.

Глава восьмая

Город Лондон славится многим, и среди прочего, как считал Арджент, целым легионом грязных двузильных мальчиков на побегушках, готовых за пару монет облететь весь город. Одного из них он послал за Хасаном Ахмади, которому поручил охрану Милли во второй половине дня. Араб был давним человеком Блэквелла, а также крупным и очень заметным фактором сдерживания любых возможных угроз.

То, что мусульманин закоренелый холостяк, никак не повлияло на решение Арджента послать за мистером Ахмади.

Никоим образом.

Другого мальчика он послал за своим дворецким, Уэлтоном, экипажем и сменой одежды. Первым, как и рассчитывал Арджент, приехал Уэлтон. Переодеваясь в сухую одежду в мужской раздевалке «Дома Юлии», он сказал дворецкому, что в этот вечер они развлекают женщину и ее сына.

Уэлтон, усиленно соображая, пару раз моргнул, и тут прибыл наемный экипаж с мистером Ахмади.

– Я буду охранять жизнь твоей черноглазой женщины и ее сына, и их не тронут руки ни одного грязного безбожника, замыслившего недоброе, – пообещал мусульманин.

Оставив Милли свою карету забрать сына из школы, а затем отвезти ее на спектакль в Ковент-Гарден, Арджент вышел на улицу, уверенный, что единственные грязные безбожные руки, которые к ней прикоснутся, будут его собственные.

По пути до белого каменного здания, где располагался кабинет Джеральда Дэшфорта, у Арджента от дрожи в руках сжались кулаки. Он одолел три лестничных площадки, сожалея, что это верхний этаж здания и подниматься больше некуда. А это могло бы объяснить стук в груди.

Ведущий к кабинету сэра Дэшфорта коридор оказался длиннее, чем запомнил Арджент. Для человека, до предела заполнявшего собой практически любой зал, этот коридор казался удивительно маленьким и еще сокращался, когда его шаги эхом отражались от оклеенных дорогими обоями стен. Пол ходил под его ногами, как палуба корабля в штормовом Ла-Манше, и Арджент с трудом сдержался, чтобы не распахнуть дверь Дэшфорта со всего размаху, вдребезги размоловив дорогое матированное стекло с золотым тиснением.

Тем не менее, когда он открыл дверь, та буквально отлетела от стены, а стекло задребезжало так громко, словно колеблясь, устоять или нет.

Дэшфорт по-бабьи взвизгнул от испуга, а его и без того бледное лицо лишилось последней кровинки.

– Обсудить с вами надо одно дельце, – проинформировал его Арджент, пытаясь сдержать мощный прилив странного чувства. Убийственного. Темного. Вызванного тем, что этот человек являл угрозу Милли.

– Забавно, что вы пришли именно сегодня, – заметил Дэшфорт, силясь снова взять себя в руки. – Полагаю, вы наконец сделали работу и пришли за деньгами?

Проигнорировав вопрос, Арджент подобрался поближе к заморышу.

– Кто из ваших клиентов желает Милли Ли Кер смерти?

Уголки рта Дэшфорта под усами застыли в гримасе ужаса.

– Не пойму, какое это имеет значение... – задыхаясь, прохрипел он, когда Арджент одной рукой сжал его тощую шею.

– Неразумно заставлять меня повторять.

Дэшфорт скулил, судорожно царапая руку Арджента.

– Вы не... понимаете, – прохрипел он.

Червяк был прав, Арджент не понимал. Не мог понять, почему кто-то мог хотеть смерти такой отважной, живой, желанной женщины, как Миллисент Ли Кер. Не понимал, откуда у нее над ним такая власть. Даже близко не мог описать проснувшиеся в его теле физические феномены.

Штормовой всплеск силы, власти, злобы и насилия. В его холодном, спящем сердце зашевелился какой-то зверь, и этот зверь жаждал крови. Соития.

И еще чего-то, для чего он не мог подобрать слов. Но знал, что дать это могла только Милли. Что-то, чего он желал больше всего и, хоть убей, не мог сформулировать.

– Передайте вашему клиенту, что теперь Милли Ли Кер принадлежит мне.

Достав свободной рукой из кармана банкноту на предложенную Дэшфортом невообразимую сумму, Арджент сунул ее в нагрудный карман костюма адвоката.

– Она не планирует раскрывать происхождение мальчика. Ее не интересует шантаж, известность или законнорожденность. И, безусловно, Милли никому не угрожает, в отличие от меня.

Он отпустил задыхающегося поверженного, чтобы схватиться с тем, что почитал давно почившим.

Своим бешеным нравом.

– В-вы разрываете контракт? – захлебнулся слюной Дэшфорт, прижав пальцы к хилому горлу. – В-вы уверены, что это разумно? Ваша репутация... не говоря уже о средствах к существованию...

– Дэшфорт, знаю, вы мне не угрожаете.

Арджент снова шагнул к нему, и маленький человечек побледнел еще сильнее.

– Мои угрозы намного смертоноснее.

– Я ничего такого не сказал.

Дэшфорт опустился на изящный диван, его глаза-бусинки светились самодовольной таинственностью.

– Они придут за ней. Хотя вы считаете, что вы единственное ночное чудовище, уверяю вас, есть люди и поопаснее, и они сделают то, на что у вас не хватило духу. Они убьют вас, а потом убьют вашу драгоценную актрису.

По костям Арджента пробежала слышимая трещина, столь же опасная, как разлом в плотине. За исключением того, что в водохранилище была не холодная вода, а огонь. И он прорвал ее, со страшной силой пронесаясь по сухожилиям тела. Арджент опьянел от гнева. Переполнился им, наводненный его восхитительным, мощным жаром.

Он схватил адвоката за лацканы и встряхнул, как игрушку.

– Послушай, квелый извращенец, если ты мне не скажешь то, что я хочу, я тебя убью. Медленно.

– Не так медленно, как некоторые, – произнес адвокат, и в его взгляде затеплилась странное благорасположение. – Понравилась актриса, пользуйтесь, пока за ней не пришел он. Потому что его никто не остановит.

Охваченный яростью, подобной которой не испытывал давно, Арджент, взревев, саданул Дэшфорта о стену, наслаждаясь глухим звуком, с которым голова адвоката стукнулась о массивную древесину.

– Назови его имя!

Адвокат упал, глаза его закатились, голова безвольно повисла. В том месте, где затылок ударился о стену, Арджент увидел кровь. В гневе он забыл свою истинную силу.

Времени у него оставалось мало.

– Говори, черт возьми, – приказал Арджент, встряхивая вялое тело.

– Терстон... думает... он отец... мальчика, – пробормотал Дэшфорт. – Ты опоздал... слишком поздно. Есть еще один.

– Что ты имеешь в виду? – закричал Арджент.

Адвокат мешком свалился ему на руки.

Арджент позволил ему рухнуть на пол, а затем провел по волосам дрожащими руками. Он был слишком крут, потерял контроль над собой. В его арсенале были разные средства получения информации: манипуляции, запугивание или насилие. Теперь же, хотя Дэшфорт еще жив, он может умереть от раны головы, а если выживет, то сможет предупредить Фенвика, что за ним придет Арджент.

Потому что он за ним придет.

Вытащив из кармана удавку, Арджент встал над упавшим лицом вниз мужчиной. Кровь с его волос текла по тонкой шее.

Много времени не потребуется.

Сегодня вечером Дэшфорт не отправится в бордель. Мальчики будут избавлены от него. Богатым придется подыскать себе другого нечестного адвоката для обстригивания грязных делишек.

Плавным движением Арджент сделал так, чтобы мужчина больше никогда не проснулся.

– Сэр Дэшфорт? – Тень мелькнула за закаленным стеклом за миг до того, как легкий стук вернул Арджента в холодную реальность. – Сэр Дэшфорт, я слышала шум. С вами все в порядке?

Когда загремела дверная ручка, Арджент нырнул в кабинет Дэшфорта, едва успев оттащить тело, и открылась дверь. Сквозь шум оконной защелки, когда открывал окно, чтобы выбраться на карниз, он расслышал удивленные возгласы и крики, призывавшие полицию и доктора.

Черт. На улице полно людей. Бобби вызваны и, если не поспешить, гвалт привлечет к зданию внимание и его наверняка заметят.

Соседнее здание, коммерческий склад красного кирпича, отстояло примерно на ширину гроба. Отлично. Спinoй к стене он, балансируя, прошел по карнизу, едва заслуживавшему своего названия, и подобрался к узкому переулку. Беда зданий в этой новой части города состояла в том, что украшения навроде карнизов шли только по фасадам, обращенным к улице. Переулок, чуть шире его плеч, был не более чем славной сточной канавой, а также мусорной свалкой.

Арджент взглянул на улицу. В конце зимы небо было на удивление ясным. Холод заставлял людей кутаться в шарфы и плащи и ускорять шаг в надежде найти теплый очаг там, куда они спешили. Казалось, по сторонам никто не смотрел.

Три высоких этажа отделяли его от земли. От свободы. Единственной возможностью было использовать умения, приобретенные, когда он взбирался по плоским каменным стенам Ньюгейта, и усовершенствованные во время кровавых засад Подпольной войны.

Ему нужно действовать быстро.

Ноги у него достаточно длинные, чтобы встать над прогалом. Твердо стоя одной на карнизе, другую ногу и руку он вытянул, чтобы опереться на соседнее здание. Дотянувшись ногой и рукой, он встал враспор между домами. Игнорируя стиривший ладони острый кирпич, он, как раскинувший лапы паук, цепляясь по очереди ногами и руками, полез вниз, пока не добрался до булыжной мостовой.

Спускался он пригнувшись, лишь одна кутающаяся прохожая его заметила. И как истинная горожанка решила, что обращать внимание на странные происшествия небезопасно и, плотнее завернувшись в плащ, ускорила шаг.

Выпрямившись, Арджент сложил пульсирующие ладони в кулаки, зная, что боль ослабевает, когда он охладит их.

Хотя то, как холод мог проникнуть в поток непрестанно льющегося сквозь него расплавленного тепла, сбило бы с толку самых прославленных ученых.

Что, черт возьми, произошло? Задуманное как терпеливый допрос в одно мгновение обернулось полным бедствием. А он стоял тут, в тени переулка, с пульсирующей в висках кровью, содранными руками и ни на йоту не приблизившись к истине.

Его разочарованный вздох отразили камни, прежде чем с ними столкнулся его кулак. Хотя суставы не пострадали, кожа была содрана и кровила. Ему требовалась боль. Боль всегда его муштровала. Концентрировала. Заточивала на смерть.

На сей раз от нее было мало толку.

Он быстро шел прочь от здания, где был кабинет Дэшфорта, пока не забрел в еще один узкий темный переулок со слепыми каменными стенами без окон, а потому не способными ни о чем донести. Чтобы успокоить лихорадочный пульс, он повернулся и прижал голову к холоду, к холодному камню, пытаясь вернуть холод в свою душу.

Переулок стал его чистилищем, местом мучительного страдания, местом размышления. Один в центре города, почти такого же бессердечного, каким всегда был он.

«Если вы меня не поцелуете, я умру».

Холодный ветер напомнил о теплом дыхании Милли на губах. Не поцелуй он ее в тот вечер, она бы умерла – от его руки. Он спрашивал себя: понимает ли она это теперь? Теперь, зная, кто он такой. Что он такое.

Даже там, в темноте лестничной клетки, где он впервые поцеловал ее, ее лицо лучилось светом, которого он никогда прежде не видел. Он собирался убить ее. Собирался сломать милые кости шеи и рассеять чары, навеянные ей в танце. Было так легко погасить свет, струящийся из-под ее золотой кожи, из обсидиановых глаз, сиявших в ночи Лондона самыми яркими звездами.

«Если вы меня не поцелуете, я умру».

Она сказала это, словно бы зная, что ее жизнь в его руках и, поцеловав, он мог спасти ее.

Он еще никогда никого не спасал. Никогда не откликался на страстные мольбы жертвы сохранить жизнь. Не проявлял милосердия, не давал пощады и даже не знал, что способен усомниться. Призраки грехов не преследовали во сне. Поскольку снов никогда не было. Легче не видеть снов, чем избавиться от кошмаров, которые кажутся бесконечными. В его жизни не было ни страха, ни сожаления. Чего ему бояться? Любые кошмары будущего были грезами по сравнению с тем, что похоронено в его прошлом.

Однако все изменилось в тот момент, когда они прижались друг к другу. Она не боялась его, хотя не знала, что просила поцелуя у самой смерти. Она была просто женщиной, без ухищрений и уловок, женщиной, верящей, что прикосновение мужчины позволит инстинкту и восприятию влить в нее тот вибрирующий свет, а Арджент всеми фибрами черной души был уверен в том, что не поцелуй он ее, она бы и вправду умерла.

А он... захотел, чтобы она жила. Чтобы взять ее. Чтобы она принадлежала *ему*.

Для такого человека, как он, желание опасно. Желание, обладание чем-то означает возможность потерять. Нечто, дающее врагам козырь против него.

Он никогда ничего не желал. А теперь мягкость ее губ ежеминутно преследовала его. Тепло ее губ наполняло его, пока не возникло желание, и страсть жгла и рвала его нутро.

Она хотела его. Он не мог этого допустить.

Она задышалась и открывалась, мягко и охотно. Ни одна женщина никогда не делала для него ничего без денег. Ни одна не теряла голову. В его мире никто не предавался страсти. Не принято было искать темные уголки для любви. В тени мог прятаться кто-то вроде него. Да и деньги мешали.

Но в ту ночь, накануне своего величайшего триумфа, Милли Ли Кер, любимица Лондона, провозглашенная красивейшей женщиной в империи и за ее пределами, пожелала его.

Да, пожелала она Бентли Драмла.

Но было сладко, невыносимо сладко думать, что в тот момент в темноте она просила поцеловать ее не Бентли Драмла, а Кристофера Арджента. Родившегося в тюрьме ублюдка. Мужчину, бывшего слабым мальчиком. Мальчиком, над которым издевались, которого избивали, секли, морили голодом и запугивали. Мальчиком, потерявшим человечность в сырой клетке, залитой кровью. Кровью последнего человека, которого заботило, жив он или умер.

Он выжил. Выжил наперекор всем. И ради этого проливал кровь. Сначала из мести, потом ради выживания и, наконец, ради денег. Под заботливой опекой Ву Пина убивать он научился раньше, чем завязывать шнурки.

Это единственное, что он умел. Единственное, в чем был хорош. И никогда в жизни не сомневался в своем предназначении, никогда не оглядывался в бездну прошлого. Никогда не думал об этом жалком бессильном мальчике, которым был когда-то.

Или в ту ночь он потерял душу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.